

№ 23—1928

Цена 10 коп.

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

ДАЕШЬ ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ СОВЕТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ!

Комсомольцы на сборе металлического лома.

Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 год

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ МОЛОДЕЖИ

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

„СМЕНА“

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

В 1929 году журнал „Смена“ даст своим подписчикам 38 бесплатных и платных приложений

24 НОМЕРА двухнедельного иллюстрированного литературно-бытового журнала „Смена“ в цветной обложке, имеющие за год до 500 страниц журнального формата (1.500 столбцов узористой печати) и около 800 фотографий и иллюстраций лучших художников и фотографов. В журнале „Смена“ будут в 1929 г. печататься:

Романы, повести и рассказы лучших современных писателей. Произведения, рисующие жизнь молодежи, и лучшие произведения начинающих писателей.

Стихи лучших комсомольских поэтов. Постоянная страница начинающих поэтов. Отдел „Стихотворчество“, под редакцией В. Пяста (в 1929 г. будет проведен ряд конкурсов стихотворчества с премиями).

Жизни и быт молодежи — повести, рассказы и художественные очерки, рисующие жизнь и быт молодежи — дома, на предприятиях, в ячейке, в клубе, учебе, семье и браке, отдыхе. Постоянная дискуссия читателей на бытовые темы. Конкурс на написание лучшего рассказа о художественном очерка, посвященного молодежи.

Молодежь в театре и кино — все новые постановки в театре и кино-картины, изображающие молодежь, с многочисленными фото-снимками.

Физкультура и гигиена молодежи. Игры молодежи на воздухе и дома, под редакцией А. Бархатова.

Шахматы, под редакцией С. М. Слонима. Конкурсы решения задач и упражнений с премиями.

Шашки, под редакцией В. В. Медкова. Конкурсы решения задач с премиями.

Задачи и ребусы. Конкурсы решения с премиями.

Книжная полка. Рекомендации книг читателям. Статьи о литературе.

Юмор.

ПОДПИСНЯЯ ПЛАТА:

Журнал „СМЕНА“: 1 год — 2 руб., б месяцев — 1 руб. 05 коп., 3 месяца — 55 коп. Журнал-газета „НА СУШЕ И НА МОРЕ“: 1 год — 1 руб. 45 коп., 6 месяцев — 75 коп., 3 месяца — 40 коп. Библиотека „ЖГУЧИЕ ВОПРОСЫ“ (6 книж.) — 35 коп. все книги. „БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И КРАЕВЕДЕНИЯ“ (6 книж.) — 3 рубля все книги.

Желающий выписать журнал „СМЕНА“ с одним или несколькими приложениями должен, во избежание недоразумений, указать точно — какие именно приложения он желает получить в 1929 году.

ПОДПИСКУ И ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ по адресу: МОСКВА, Б. Черкасский, 6. Главной конторе периодических изданий Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ или сдавать всем местным отделениям издательства „ПРАВДА“ и „ИЗВЕСТИЯ“, Всесоюзного контрагентства печати и во все почтово-телеграфные отделения.

СПЕШИТЕ ВНЕСТИ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПЕРЕБОЕВ В ПОЛУЧЕНИИ ЖУРНАЛА

ДВУХ НЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСКОВСКОГО
КОМИТЕТОВ ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
НИНО И ТЕАТР.—ФИЗИКУМЫ.—ШАХМАТЫ, ШАШНИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6, тел. 1-81-01.

Подписано в печать 1 год — 1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 23

★ ★ ★

ДЕКАБРЬ

★ ★ ★

1928

СТИХИ

ПОДШЕФНОЕ

Брел по проселку.
Ветер дик —
Трепал мой синий воротник
И солнце загоня в гречишку.
Солнце скатывалось тихо,
От роты придорожных слюк,
Смеясь,
Играя и крича,
Вдруг выбегает на проселок
Веселая гурьба девчач.
Ах, никудышний и оратор —
От взгляда сирен и молчу.
— С каких морей?
— Я от «Марата»,
Иду к Кронштадту,
От лазур.
— Мы Москвичи четыре, с Пресни,
Здесь в доме отдыха, простор.
И колосится смехом песни.
— Мой на «Аэропре» военном.
— До полустанка восемнадцать.
— Мы ваши шефы, года три.
— Не приходилось нам встречаться.
Прислали девушки оставаться
Гости до утренней зари.
— Тебя, товарищ военком,
Парним окатим молоком.
Конечно радовался б всякий
Здесь на почку бросить якорь;
Но вот загвоздка —
У проселка

— брюки разорвала елка.
В смущении краснею очень
И отвечай неспокойно,
Что я совсем не полномочный
Для встречи с шефом делегат.
— К тому же не в порядке шлюпка.
— Пусти!

И через полчаса,
Махро набивая трубку,
С веранды слушал голоса.
Гармоны!
Гитара!
Соловей!
И прыснет в рощу пересвист,
И свистят песен синь елей,
Запрыгает кленовый лист.
«Капитан — комсомолец,
Кечегар — комсомолец».
С наши сосни в лад поют.
«Вся команда — комсомольцы,
Коминтерна добровольцы
Разоговаривают».
Мне и сейчас припомнить любо:
Берег иглу спокойно в губы,
Согнувшись, стягивает шов
И песню запевает Любя —
Моя подшефная любовь.

Геннадий Фиш.

НА ШАЛАНДЕ

Море. Шаланда За дымкою серой
Растаяла пристань, скрывается берег.

*

Ленивые волны с нежданной услугой.
Бриз, наполняющий легкие юга.

*

В асфальтовый город дары чернозема
Шаланда несет и под легким наклоном,—

*

Не сдержаны трюмо, скатились к камбузу
Зеленые ядра херсонских арбузов.

*

На корме в тени — баклажаны, гранаты,
У правого борта шрапнель винограда.

*

Слева грозит их взорвать и расплывить
Тугих помидор ярко-красная лава.

*

Парус-угольник — как птица в полете.
В майках команда — пока, торопливо,
Август итожит прибыль лета
У полных плетенок обображенной сливы.

*

Гавань навстречу... Последние метры...
Где мили? Швартуемся... падают крылья.
Короткая песня! — Разве в нее выльешь
радость моря, работы и ветра?

А. Ефименко

* * *

От хаток сереньких и кротких
Увел в далеком вокзал.
Теперь я знаю — будут робки
Твои чувашские глаза.
Теперь я знаю — будешь плакать,
Не встретив лапотных следов,
А старенький разбитый лапоть
Стыдиться будет городов.
В них, неулыбчивых и топких,
Глаза косые не цветут,
Широколицая красотка
Здесь потеряет красоту.
И вряд ли ты придеше обратно
В деревню снов и шамана.
И ты ей будешь непонятна,
И испонятна она.
Там, правда, серенько и тихо.
И грусть вечерища в полях,
И в них кружит седое лихо,
Но все же близкая земля!
Сперва пошла по белым росам,
Обвеянная холодком.

Но сбились тоненьких кося
Под выгорающим платком.
Веселый взгляд — печаль упречет.
И в ночь — на стынищем полу
И ты, и многие заплатут
В вокзальном каменном углу.
Все потому — зачем уходят —
Обозом, пешью, в ночь, в вок-
зал —
От сереньких, но близких родин
Раскрыть чувашские глаза.

Е. Вагина

МОСКОВСКИЙ ТРАНТ

(Старое с новым)

Не звенит по селам семиверстным
Зычный оклик пьяных почтарей...
Старый тракт задумчивым и чертым
Боилем прилег у пустыней.
За Иркутской старой заставой,
У Московских брошенных ворот,
Прежний путь — разбойный и кровавый —

Дни были тихо доживет.
Не пройдет бродяг в Зангарье
Из тюмы смежавшим арестант,
Подиша в тайге весенней гарью
Среди оравы шальных катаржей.
Не настигнет легкой кошевою¹
Озорной извозчик богача...
Не задушит пестлей роковою
Проходимца в полночь сторчя.
И не встанут больше при дороге
Сторожить обозы варниаки...
Только где же этапы и остроги
И с двухглавым коршунон станки?
В захолусты и глуши углоб
В ночь злодей не свистнет за избой...
Мне не жаль опальну дорогу
И сибирской волынни разбой.
Проксакало прежнее на тройке
С золоченой, писаной дугой...
Гулевины, ямщики, попойки, —
Эх, не вам ли петь за улкой?
Поглядеть бы из углов медведежих, —
Пахнет новью захудалым мраком.
Да когда ж по-новому проезжий
Оживет заброшенный мой тракт?
Пусть не жду возврати старину я,
По поновочки на пустыней,
Но люблю сказания былье
Трактовых буйнов-почтарей.

Михаил Скуратов

ХУЖЕ ПИВНОЙ

Черн ФЕДОРА МАЛОВА

Фот. Ф. ЗУБКОВА

над ним замок, его охватила несдержанная злость.

— Ну, это уж форменное синистро с его стороны!.. Некуда ему пропадать постоянно. В кинотеатр и в парк мы ходили вместе. Если бы он тут холода, я так или иначе его встретил бы. Дружины тоже у нас с ним один. Уж не втрескался ли грешный делом в кого? Вот и ухлестывает из своей симпатии, как оглашеннный!

С этим и решил Степка уйти. И тут же подумал отыскать Мишку на заводе в понедельник и дать ему хорошую нахлобучку. Степку так и жгло досада, что его товарищ скрывает что-то от него. Раньше они делились всем, и ни одной мелочи не утаивали друг от друга.

С досады и злости Степка так сильно заколотил сапогом в порог, что в соседней комнате взъерошилась мокрая и влажноческая голова Нинки, с красным лицом и вытаращеными глазами.

— А-а, ты к Мишке стучишься! — удивленно проговорила она. — Я думала, что это к нам...

Степка быстро подлетел к чугунной двери и хотел было сразу же вломиться в комнату, но Нинка проворно юркнула назад, плотно прикрыла за собой дверь и заперла ее изнутри на крючок.

— Нельзя, мы с Надей моемся, — звонко прокричала она сквозь дверь. — Смотри не сорви крючок.

— Что я сожу вас, что ли! — сильно дергал за скобку Степка. — Вы вероятно головы только моеете, а не все. Не бани, чай, здесь!

— Все равно нельзя, — неумолимо проговорила Нинка. — Чего говори! Мы и так успели.

— Да что я вор что ли, сквозь дверь-то с вами разговаривать! — горячился сначала Степка. Но потом, убедившись, что дверь все равно не откроется, перестал ломиться и спросил: — Куда это ваш солдат девается? Скажите, я хоть по крайней мере знать буду!..

— А мы откуда знаем! Он не докладывал нам, когда уходит!

Из комнаты доносились веселые фриканс, всевлеск воды, грохот стульев и звон газов. Степка слышал все это и чувствовал, что мешает мыться девушкам, однако настойчиво продолжал:

— Нет, вы уж скажите мне! Вот уж седьмой раз я не застал его по субботам. Вид ридом живете, вам и знать лучше!

— А ты завтра с утра придешь, так может застатьешь, — насмешливо крикнула Нинка. — Субботу по вечерам, в воскресенье по утрам он всегда отдыхает дома!

И опять послышалась иронический смех, поклонизавшийся Степке неуместным и беспричинным.

Тем временем девушка успела вымыться. Дверь раскрылась и из нее выбежала смешная, румяная и смеющаяся Нинка. Она была в желтых крымских чубанках на бо-

скую ногу, длинные, еще невысохшие и нерасчесанные ее волосы были стянуты полотенцем, как чалмой. Ловко вскинув большие аломниневые тазы на полку, стоявшую в коридоре, она сходила лестницу из ведра в раковину наполненную горячую воду и, воротившись, слегка толкнула Степку в спину:

— Ну, вали, проходи! Теперь можно. Чего стоить здесь, как тумбочка?

— Сядись вон на тот стул да пока отвернись, — встретила его Надя. — Я еще не успела совсем приесться.

Степка, бегло окунув чистую и опрыщенную комашку, покорно сел на стул к окну и стал смотреть на улицу.

— Уж не женился ли Мишка наудал? — шутливо проговорила Степка, прежнему смотря в окно и сидя спиной девушки.

— Какая дура с ним станет связываться, — презрительно проговорила Нинка. — Нашел жениха, нечего сказать!..

— А чем мы еще не женхи вами? — встрепенулся Степка. — Работаем не хуже других, в общественном отношении стоим не в хвосте. Чего еще ты спрашиваешь?

— Ну, твоё «мы» здесь не при чём. Вообще про наших ребят я плохого не говорю. А с твоим Мишей ненаглядны к торговцам на Суахаренку нужно за нее ехать. Там они подводящие, лучше не вымышлять!

— Ты хочешь видеть Мишку или нет? — виновато спросила Надя, окончично со своим одеванием. — Говори, скажу — сразу отыщуешь!

Она взяла Степку за плечи и поворотила его вместе со стулом к себе лицом.

— С собакой искать что ли?

— Мы и без собаки отыщем, — многозначительно проговорила Надя, равняясь на столе чашки. — Ты и вправду не знаешь, где он?

— Откуда мне знать! В кино что ли?

— Нет!..

— Ну, тогда в парке?

— Тоже нет!..

— Тогда уж не в пивной ли он прохладится?

— Не в пивной, а пожалуй хуже!

— Так где же?

— В церкви Мишенькой твой жарко молится, — насмешливо проговорила Надя. — Грехи замаливает, асьо его там в монахи постригут скоро!..

— Не может быть, — возмутился Степка покраснев даже, услышав это. — Не может этого быть! — снова повторил он, чувствуя, как жгущий его изнутри стыд начинает переходить в злость и отвращение к Мишке.

— Да, да, так точно, — передразнила его Нинка, потушив примус и становя чайник чайник на стол. — Докатился парень до точки, нечего сказать.

Церковь своей мрачной угрюмостью походила на остров.

ШЕСТЬ раз подряд заходил Степка к Мишке по субботам и каждый раз находил на двери его комнатушки плюсик, покрытый черным лаком замок. Ни первых порах Степка не придавал странным исчезновениям хозяина никакого значения. Он отщупывал замок и слегка дергал его, желая удостовериться воочию: замерт он или нет, с досадой стучал кулаком по двери явно пустой комнаты, безнадежно маякал рукой и с притягивающим недовольством спускался по лестнице. На этой же улице жили оставшиеся его товарищи, и он уходил к ним проводить веселые субботние вечера.

Каждый раз, или к этим товарищам от Мишки, Степка надеялся встретить его там. Однако, когда он приходил туда — о Мишке там ни слуху, ни духу не было. И даже никто из ребят не знал, где и с кем проводит он это время.

— Давно у нас он не был, — обычно отвечали Степке. — Кто его знает, что с ним творится...

— А на работу-то выходит он?

— Ходит, чего ему не ходить-то!

— Чудеса, право, — твердил Степка на это. — Который раз вот уж не застал его дома!

Спросить самого Мишки ему не удалось. Тот работал в другом цехе, в заднем углу огромного заводского двора и выходил после окончания в небольшую калитку, ведущую к остановке семнадцатого номера, который и довозил его до самого дома. Таким образом друзья во время работы почти не встречались совсем.

Но когда Степка, приляк к своему другу в седьмой раз, увидел на его двери все тот же, словно ехидно смеющийся

— Ну, чего же вы глядели, разиня рот, до этого,—напомнила на них Степка.—Нужно было заявить к нам в ячейку! Вы же знаете, что он у нас на хорошем счету. Мы доверили ему не меньше, чем комсомольцам, и задания давали ответственные. Уж одна нога Мишки в комитете стояла.

— Заявили мы!—проговорила Нинка.—Как только заметили мы за ним эти повадки—побежали в ячейку Союза безбожников. Так и так, мол, надо взять парня на особый учет. Надо чем-нибудь занять его и отвлечь, пока не поздно. «Чем же мы его отвлечь станем?—ответили нам.—Что мы знаем что ли? Игрушки нам его забавлять!» И действительно скуча и мертвячина в ячейке у них ужасали.

Весной решили было мы организовать безбожный уголок в библиотеке,—вступилась Надя, налив каждому по стакану чая.—Достали несколько газет и журналов, расклепали плакаты с диаграммами, выпустили специальную газету. А культивационная предложила в 24 часа освободить помещение. «Если,—говорят,—загромождать библиотеку углками, то у нас многое вас наберется: и МОПР, и ОДН, и Осоавиахим, и экскурсбаза места просить станут. А мы и так скажем, увеличить помещение собираемся!» Так и провалилось наше дело.

— А знаете что, ребятки, — перебила подругу Нинка, — пейте свой чай скорее, да поедемте посмотрим, как там Мишка обретается.

Большая желто-песчаного цвета церковь «Николы на Болванах» своей мрачной угрюмостью смахивала на острог. Она стояла на углу двух перекрещенных улиц, в сквере с редкими и хильными деревьями, облицеванными от осеннеего увядания. Внутри церкви было тихо и полутемно. Тусклые огни разноцветных лампадок казались примитивным декоративным украшением какого-то наивного исторического спектакля. Церковь была заполнена наполовину. Стояли древние с желтыми и серыми лицами старики и старухи, пожилые мужчины и женщины. Но было не мало и сравнительно молодого народа.

— Видишь, кто здесь окончается,—шепнул Степка Нинке. — Сразу видно, что торговцы, нелюди и бывшие, нынешние люди.

— Кто их знает, — отвела она тоном споштота. — По-моему кустарей много. Сапожники, столяры, портные, приказчики...

— Неорганизованные массы, как говорится!

Дикая и нелепая комедия церковной службы была в полном разгаре: проносили «вынос святого евангелия». Толстый, как мышь бык, ляжко оглашенно орал, «сотрясая стекла». Общинный и злой поп изо всех сил старался делать елейное лицо; на правом кипарисе как будто происходил ожесточенный бой. Регент отчаянно метался перед «амвоном», дико размахивая руками и шипел на неправильно поющих певчих. Дрожащие от страха девушки рвали гласти над тролларем «Слава в вышних», а басы, толстомордые и с красными, запыхавшимися щеками, пусты и непрятно хрюкали, блудливо высматривая «хорошеньких» среди богословий. Степка сделалась так невыносимо противно и стыдно за самого себя, что он тотчас же собралась было уйти.

— Погоди, что тебя разорвало! — остановила его Надя. — Пришли, так уж за-

Все воскресенье Мишка мыли окна и пол.

одно понимательнее ко всему присоединимся.

Только когда подошла служба к концу и толпа богословцев поредела, Нинка увидела Мишку. Он стоял за высокой колонной в углу, около правого кипариса, и разиня рот смотрел на хористов и издергавшегося регента. Нинка подошла к нему, крепко схватила за руку и проводила к выходу.

Мишке растерялся, покрасился и долго не мог подыскать нужных слов, чтобы заговорить. В это время он был похож на одурманенного и избитого быка, какую-либо грязную проделку человека.

— Ну, как живешь, Степка? — запинаясь, проговорил он наконец.

— Живу твоими молитвами, — сдерживая себя, ответил тот. — Видели мы, как ты усердно молишься.

— Ну... это... я... так! — с перерывами проговорила Мишка. — От любопытства заинтересовалась случайно...

Те стали упрекать его прямо и без обиняков. Мишка не стал запинаться дальше, развязно со знайся во всем.

— Ну, что ж, я хожу не молиться, а слушать пение. В оперу у меня средств нет ходить, концертов у нас в районе совсем не устраивают. Кино надоели до отвращения, самую негодную дряньпускают по клубным экранам. А в живой, настоящий театр тоже где мне попасть. Жди, когда-то, раз в год дадут тебе билетчики на галерку. А здесь и поют хорошо, и тихо, спокойно, не шумят, ни хулиганства нет...

Степка хотел было заткнуть ему рот, но воздержалась и дал высказаться до конца.

— Хорошие дылконы бываю... Прокинов, Острумов, Холмогоров, Михайлова, —

нагло продолжал Мишка. Голосицы, как трубы, у них: уши даже болят, как послушаешь!..

— От этого видно и отложла совесть твоя, — не удержавшись, зло промолвила Степка. — Неужели нестыдно тебе говорить? Даже противно слушать тебя, до чего ты дошел!..

— А что один я что ли в церковь хожу? Вон скользкую народу было!

— Тем хуже, — ругалась разошедшися Степка. — Неужели ты сей раз на старухами да с горгонянами ставишь, дурак ты, тор! А еще вспомиши на работе, рабочим называемся.

Приезжал домой, девушки вместе со Степкой зашли к Мишке. И снова начали его стыдить и вразумлять.

Просторная и светлая Мишкова комната в недавно отстроенным рабочем доме была чрезвычайно запущена. Липкая, вонючая грязь густо лежала на полу и белом кафельном подоконнике. На полке, вместе с невымытой посудой и книгами, лежали грязные невыстираные носки и вторая пара ботинок. Острый, как от спирали, запах издавала смятая, очевидно из разу не прибранные края виницких крупными точками раздавленные клопы.

— Выбросить бы тебя на улицу за это из такого дома! — сказал Степка, отаядывая комнату, которую давно не видел. До чего ты загадил ее, стыдно смотреть. Вот они рядом с тобой живут, — кинув он на девушек, — а комната у них, как кристальная вода, светится.

Мишке виновато бормотал что-то не связное себе под нос; и видно было, что он жестоко раскаивается в своих постыдных поступках. После ухода Степки и девушек он не мог заснуть до рассвета.

Все воскресенье Мишка не выходил из дома; мы окна и пол, перебирал книги, одежду, чистился и обряжался старательно. Мыслы о завтрашнем дне кусали его: сколько насмешек и приставаний будет, когда узнает о нем заводская молодежь. Мишка решил быть написан Степке письмо и попросить его не рассказывать о нем на заводе. Ему хотелось также заговорить с и девушки-соседками, но стыд сжалывал его крепко и он беззаконно махнул рукой на все.

— Пусть, что будет! За дело мне! Все перенесу. А в церковь я все одно не пойду больше. Всеми силами постараюсь отдаваться общественной работе. Но теперь допускат ли только до нее?..

Просторная и светлая Мишкова комната была чрезвычайно запущена.

Наступил понедельник. Мишка раньше других заснул свое место в цехе и, не поднимая головы, работал весь день. Между тем Степка с Надей во время обеда сходили в комсомольскую ячейку и заявили там о своем открытии.

— Нужно общественный суд над ним устроить, — сказала Надя, — да взять Мишку в хорошую обработку.

— Суд устраивать пока еще рано и бесполезно, — решил секретарь. — Нужно проверить работу ячейки безбожников. А для этого необходимо образовать специальную комиссию из самых опытных и активных товарищей. Комиссия должна повесить горячую антиелигизационную кампанию среди рабочих. А то у нас в самом деле никакой работы в этом отношении не проводится. Сам я пытался не мало раз, — заметился секретарь, — выдвинуть этот вопрос на первый план нашей заводской общественности! А заявок синтетического сном, а администрации это слово и не касается!

И он начал рассказывать им о работе общественных организаций на заводе. Картину, по его словам, рисовалась в мрачных красках. Между культкомиссией и ячейками различных обществ нет никакой согласованности и увязки в работе. Одна ячейка старается для себя, другая — тоже. Происходят трения и ожесточенные бои за помещения, жилую силу, за материальные средства. Так, ячейка по борьбе с пьянством казалась бы должна быть вести свою работу в тесном контакте с безбожниками. Однако на деле не только этого нет, но члены союза по борьбе с алкоголизмом не допускают даже ячейку безбожников для совещаний в своем помещении. То же происходит и со стенными газетами...

...А между тем поповство оголтело усиливает свои наступления на рабочий класс и отказывается от здоровой общественно-политической жизни все новые и новые кадры рабочих. В виде соблазнительной приманки организуются при церкви хорошие хоры, напыщенные богослужения и даже секты по борьбе с пьянством, хулиганством. Последние, являясь искусственной мастерской, еще вернее и надежнее ослепляют глаза «верующих» и обесцвечивают их в цепях, лапах остервеневшего врага.

— Ну, пока мы вас привлекаем к Мишке, — сказал секретарь Степке с Надей. — Вы должны решимо ему помочь выбиться на правильную точку и оторвать его от церковности. А я сегодня же подниму на ноги бюро нашей ячейки и пойдем — решительно заявим в бюро партии. До тех пор мы отступимся, пока не добьемся своего.

Но взволновать застоявшийся пруд заводской общественности оказалось не так легко. Фабком сначала решительно отказывался принимать участие в чисто общественных вопросах.

— Мы работаем только по экономико-правовой линии. Вопросы производственны не могут касаться нас, но антирелигиозные — извините!..

Администрация сказала, что все культурно-бытовые вопросы призывают разрешать культкомиссии. Последние же беспомощно отдавать нужные средства для оказания и расширения своей деятельности. И только после чрезвычайного ложкаса на бюро райкома общественный механизм завода задвигался по-настоящему.

СТАРИЧОК

Рассказ А. НАЗАРОВА

Иллюстрации Н. ДЕНИСОВСКОГО

Помещаемый ниже рассказ написан начинающим. Мы печатаем его, так как в нем живо схвачена бытовая обстановка одной комсомольской ячейки.

В ЯЧЕЙКЕ все его звали. Панфилыча. Как укрепилось за ним это звание — никто не знал, но только знали, что Петя Доброгост давно носит это имя, а некоторые даже утверждали, что он так и родился «Панфилычем».

Сам Петя отказался на Панфилыча и как будто бы никаколько не сердился. У Панфилыча был большой вытянутый, как у миноноса, нос, большие глаза с чуть заметной синевой и... чуб. Надо вам сказать, что чуб Панфилыча был его гордостью; во времена какой-нибудь ораторской речи он нервно проводил по волосам и затем, закидывая голову назад, втихомодно вскипал всей шевелюрой. Несмотря на все старания Панфилыча, волосы только немножко приподнимались и затем опять прилипали к мокрым от пота вискам.

У Панфилыча, кроме всего этого, был еще блокнот, синевкий, потрепанный блокнот. Панфилыча не раз видели на собраниях, вечерах и вообще на разных сборищах что-то торопливо записывающим в этот блокнот.

Еще говорили, что Панфилыч прочитал с доски до доски все тома Ленина и изучает Карла Маркса и Энгельса, а Нюрка (техсекретарь бюро) даже даже «честное комсомольское», что собственно-порученными глазами видела на Панфилыча «Капитал» — целых 6 томов!

— Вот здесь на салфетки все написано.

Правда, але ячейки дали ей фактическую справку, что «Капитал» имеет всего два тома, но Нюрка его отшила:

— Нечего придраться! И вообще просьба буквально не заниматься, а учитывать сам факт.

Один недостаток был у Панфилыча — его штаны (ну, как бы это скромнее выразиться...) всегда были порваны.

Некоторые из «рукодельного кружка» не раз предлагали ему заплатить пророки, но все их старания были напрасны.

Не время сейчас следить за штанами, рубахами и прочим, когда в Китае революция, в Германии революционные демонстрации, в Италии фашизм и т. д. Устыженные своей малосознательностью, девушки отходили.

В ячейке злободневный вопрос: о «Луне» Малашкина. Дело в том, что в план работы ячейки был включен разбор произведения Малашкина: «Луна с правой стороны».

Готовились долго и усердно. Писали конспекты будущих речей. Напряженная обстановка.

Наконец настал день диспута. Первым выступил апо Колька Дурнов, рассказал все обстоятельно, хотя, правда, его речь и не была особенно длинна и утомительна:

— Произведение Малашкина является невыдержаным потому, что он там сильно ударился в любовь. Он говорит про нас, про всю молодежь, что мы только и делаем, что занимаемся «кусочками полового вопроса», тогда как мы, можно сказать, да возьмем к примеру хотя Панфилыча, кто скажет про него в этом смысле... Словом, товарищи, больше самодеятельности — кончил. Кто же будет высказываться?

Дальше говорила Сонька. За нее давно была замечена невыдержанность. Раз даже сам секретарь ячейки застал ее в уборной с пурпурой в руках.

Соньке свистели, кричали «долой». А председатель даже разбил колокольчик, звоня по нему железной линейкой (надо сказать, что колокольчик давно был переведен в инвалиды — потеря трудоспособности на 75% — нет языка и треснут).

Однако собрание ждало мнения Панфилыча. Поэтому некоторые высказывались довольно осторожно, хотя в его мнении почти никто не сомневался.

— Слово предоставляется Панфилычу, — торжественно провозгласил председатель.

— Товарищи, рассматривая данный вопрос вообще с точки зрения proletарской и в частности комсомольской (по рядам пронесли звук одобрения), я пропустил обсудить меня от дачи своего мнения.

Собрание недоуменно зашевелилось. Все ождали, что Панфилыч еще что-нибудь добавит, но его губы не разжимались...

— Ну, какой ты революционер, — говорила Нюрка Гришка Кривичеву, — коли пьешь водку и хлещешь пиво, как воду.

— Не важно, что бумаажко, важно общее развитие...

— Твои остроты туши. Ты всерьез ответь.

— Всерьез? Слушай. Я сын улицы, я сын грязных лачуг, темных задворков. Пыл мой прадед, пыл дед и отец, это велось мне в кровь, я теперь уже...

— Брось бузу пороть. Какая там кровь, какие там предки, когда ты комсомолец — передовой авангард...

— Знаешь, Нюрка, по правде говоря, я уже давно пробовал бросить пить, но иной раз захочется расшевелиться, встремиться, ну, вот и идешь «принести...» Вот, если бы я побоялся кого-нибудь...

— Ха-ха-ха. Полюбия? Да, именно это тебе нужно сделать. Но вдруг ты никого и не побойешь еще лет пять, значит будешь продолжать пить по-старому? Нет, ты на любовь надеялся, да сам не плоша. Вот, если хочешь, давай вместе изучать азбуку умственного труда и МОТ, тогда сумеем правильно организовать жизнь, так что для пивнушки и времени не останется... Идет...

— Даешь... Хоть сейчас приступаем.

— Ну, ты так не спеши.

С пяти часов Нюрка ждала Кривичеву Гришку с «Керженцовым». Обещала притти «ескунда в секунду в 5 часов». И Нюрка удивлялась такой неаккуратности — было минут пятнадцатого, а Гришка и не показывалась...

Чудак этот Гришка, а все же парень хороший... только вот водка его прорывает. Гришка считали самым старым комсомольцем в яичке (после Панфилыча). Несмотря на то, что ему было всего двадцать лет, он участвовал в подавлении банд в 1921—1922 году.

Говорили, что у него был один случай, который заставил его столько пережигать, что голова Гришки посыпалась (и действительно у него можно было заметить седые пряди).

Было уже шесть, и Нюрка решила уходить. Вдруг слышит шум. Прислушалась...

«Завизж моя гармоника,
Сильнее зингра-ай,
Моя милочка спросонья-а
скатилася на край»...

Группа ребят с похабной песней ворвалась в комнату и... Гришка.

— Ура-а, Нюрка! У меня... сегодня праздничник — приехал мой старый товарищ матрос, тоже Гришка. Да здравствует Гришка Захаров! Ура!

— У-у-р-р-а-а-а-а...

Нюрка двинулась к выходу.

— Стой! Ты куда? Сейчас будем заниматься...

— Ты пьян, а я с пьяным разговаривать не хочу.

— Вот как! И это за все мои революционные заслуги? Это за мои седые

волосы? Гидра! «Заниматься не хочу». А с кем хочешь? С Шуркой-гимназистом хочешь? Нюрка, в последний раз спрашиваю — з-заниматься будешь?

— Иди проспись, а завтра приходи. В это время появился завлук, который после долгих пререканий выпроводил пьяную компанию на улицу.

Группа ребят ворвась в комнату.

Нюрку душили рыданья. Несколько крупных слез скатились по ее щекам...

Пашка Кузнеццов старательно обтикал последнюю втулку, любовно прижимая к точильному барабану то тот, то другой конец.

Сегодня у него славная выработка. Целая груда втулок лежит вон в той куче. Никто не скажет, что у него производительность труда плохая.

Мисли Пашки текли, как медные стружки. Вот тоже яичека — работа ничего будто, налажена; только еще вот как-то нужно изжить цыянство у нескользких человеков, а там...

Мисли Пашки прервались:

— Там тебе какая-то барышня спрашивает, говорит, обязателю нужно срочно увидеться, сторож лукаво подмигнул.

Пашка нехотя отложил работу и вышел во двор. У дверей стояла, смущенно улыбаясь, девушка лет восемнадцати, в ярком наряде из ситца.

— Вы будете комсомольский секретарь? — спросила девушка, краснея.

— Я сам.

— Я вас искала со вчерашнего дня, избегала весь город и не могла разыскать... У меня есть к вам дело.

— Говорите.

— Вот здесь на заявлении все написано, — она подала скомканную бумагу. «Как я узнала, Петья Доброгост состоит к комсомолам и комсомолы застывают за всех, прошу разобрать мое заявление».

Когда Петья жил на селе, мы с ним полюбились, а когда он узнал, что у меня будет ребенок, он убежал в город. Я сирота и никого у меня нет. А Петья говорил: «Мы с тобой обвенчаемся, и будет жить нам хорошо».

К сему Евдокии Кулешовой. Пашка опешился... Петья Доброгост... Панфилыч... Не может быть, здесь какая-нибудь ошибка...

— Петья Доброгост? — спросил он.

— Ну, да. Петья Доброгост, такой длинноносый, высокий...

У Пашки сомнения убавились. Проверил фабричный гудок.

На дверях заводского клуба висело объявление:

«В воскресение 18-го очередное собрание яичеки ВЛКСМ. Явка обязательна. Вопросы особой важности.

Отсек Кузнецков».

По одному, подвое стекалась молодежь к клубу. Было тепло, поэтому никто не заходил в помещение, а собиравшиеся располагались в садике при клубе.

Развалившись на траве грянули «краснофлотскую». Дружно-лился напев песни:

«Ты моряк уедешь в сине море,
А меня, моряк, оставишь в горе»...

Последний звук замер.

— Собрание считаем открытым, — сказал Пашка Кузнецков, стуча по столу карандашом.

Насторожились.

— Прежде чем оглашать повестку, разрешите спросить, здесь ли Доброгост.

— Панфилыч? — все только сейчас заметили, что Панфилыч отсутствует. Собрание, гудя, ожидало. Но вот с задних рядов притянулся Сенека Шустик (его звали «Шустрик», «это имеет больше смысла как-то», — говорила Нюрка).

— Вот от Панфилыча, — он подал Пашке небольшой лист бумаги. «Ребята!

Я с женой (Евдокии Кулешовой) уехал в с. Кривинку, Павловского уезда, — работать избаюм. Со мной едет Гришка Кривич, который будет работать в милиции (это ему будет не вредно).

Судя комсомольского не боюсь, но стыдно мне до... да чего там говорить, словом, засыплю.

Не поминайтеlixom. Буду работать исправлю сделанное.

П. Доброгост».

Когда шум улегся, Пашка обнявил:

— Первый вопрос считаем исчерпаным; в виду отсутствия дальнейших вопросов собрание считаю закрытым.

ПОД ОБСТРЕЛ О ЛАКИРОВАННЫХ КОМСОМОЛКАХ

ВОТ все говорят о так называемой «культурной революции». А, по-моему, это сущая ерунда, — так, горячая, доказывал мне один комсомолец.

— Вы говорите: книги в массы, политучеба, и то, и другое, а посмотрите, что делается вокруг. Ведь комсомол с каждым днем становится «липовеся».

Я взглянул на раскрасневшееся лицо моего собеседника, потом перевел взгляд на рубаху с «КИМом».

— А скажи, пожалуйста, — спрашивал я него, — как это ты сам, комсомолец и бывший вожатый отряда ЮП, можешь так отзываться о комсомоле? Чем ты можешь доказать свою слова? А потом, — говорю, — если ты видишь недостатки, исправляй, а не болтай об этом первому встречному.

Тут мой собеседник всхлипнул (видно, я болезненно затронул его).

— Ты, — отвечает, — может быть, не рабочий парень, так у тебя тут (он указал на сердце) не идет и ты не замечашь, что весь комсомол — это одна «барышня» и пиконки. Так пойдем, я покажу тебе...

Он взял меня под руку, и мы пошли по направлению к «Вечерней рабочей школе».

Мы попали во время — были перерывы, и ученики прогуливались по панели перед школой.

Мой собеседник указал мне на первую встретившуюся нам девушки. На груди у нее действительно был прикреплен значок «КИМ», но вся ее внешность мне показалась крайне странной для комсомолки. Напудренные до мертвенно бледны, девица фигурино сименила ножками, обтянутыми тонкими чулком и свободными от юбки выше колен.

Потом я узнал кое-что об этой «комсомолке», ученице «Вечерней рабочей школы». Она оказалась неуспевающей второступенкой.

— Может быть, она работает на производстве или перегружена комсомольской работой?.. спросил я одногодчика.

— Увы, ответил мне паренек, — отец ее «приличный» служащий, а она бывшая пионерка. Когда ее перевели в ЛКСМ, она отряд забросила и пионеров теперь чуждается. Работать она иногда не работает и в яичке не нагружена, поэтому что «учится».

Из дальнейшей беседы выяснилось, что эта «почетная» ученица посещает школу скорее для знакомства с взрослыми мальчиками, а не для учебы.

— Ну, что, паря, скажешь? —

обратился ко мне с вопросом мой первый собеседник.

— Таких, братишка, в три шеи гнать надо из школы и из комсомола, чтобы не засорили пролетарских организаций.

Мне пришло согласиться с ним.

А ведь таких в рабочей школе не одна. Ученики нам жаловались, что если бы сделали чистку, то пришлось бы исключить из школы больше половины учеников. Один даже сказал, что вся школа слытает в городе «фраерской», потому что, когда кто из «хлощев» хочет познакомиться с «подлатанными» девицами, приходит в ВРШ («Вечерняя рабочая школа»).

В тот же вечер, когда мы возвращались из школы, нас остановил паренек на вид лет 15-ти.

— Сенька! — окликнул он моего товарища. — А я «подфраеровал» трех, пойдем! — и он многозначительно подмигнул.

Мой спутник послал его «ко всем чертам» и пожелал ему провалиться сквозь землю.

— Вот тебе еще комсомолец из фаланги бабников и пижонов. Слыши, вот этот малый, посмотрел бы ты, что в комнате у него творится, а в углах так черви, не бось, завелись, то наркотируется в бахромистую блузу. А на чайке первый твердит: «пролетарий, да рабочий; ну, мы его и прозвали пролетарским пижоном».

Что я мог ответить моему спутнику, когда он, нужно признаться, затронул большой вопрос, только не на яичке, а со мной. А что же я? Я и сам знаю об этом, да только плохо уже то, что у нас говорят много, а конкретных мер не дают.

Товарищи комсомольцы, дайте ваши предложения!

Борис Левин (Кременчуг).

НЕПОДКРАШЕННОЕ СТАРЬЕ

Среди взрослого населения Советского Союза имеется известная социальная пропластика (кулак, нелман, обыватель), не принимающая советскую власть и настроенная к ней враждебно. Подобные настроения проникают иногда и в среду молодежи учащейся и даже трудящейся.

Посмотрим, какие формы принимают эти враждебные настроения в различных социальных группах молодежи.

Среди рабочей молодежи эти настроения встречаются в единичных случаях и обясняются, главным образом, недостаточной политической грамотностью и некультурностью молодых рабочих — выходцев из деревни, еще не обобщившихся от влияния мелкособственнической идеологии. Здесь эти настроения выражаются чаще всего в антисемитских выходках и в выкрикивании погромных лозунгов «язык» в пьяном виде. Прямой же антисоветской пропаганды или вредительских поступков здесь не встретишь.

Иные, более активные и опасные формы принимают эти антисоветские настроения среди известной части учащихся, — главным образом, средних школ. От этой части учащихся уже не услышишь погромных лозунгов и скандалного во вслушывание слова « жид ». Действует она гораздо более тонко и изощрено. Ее легко можно узнать по разговорам, которых немалое место занимают экономические и политические темы. Если в их ланах попадется паренек, мало развитый, почти не читающий газет, то он «знает», что Волжховстрой отдается на слом, ввиду его дефицитности, что Днепрострой строит американцы, а не мы, а строители Семиреченской дороги проворовались и разбежались кто куда. С явной симпатией рассказывают они ему — неравнству паренку — и о шахтниковом деле, и политические события объясняют, извращая и подтасовывая факты, стараясь очернить действия советского правительства и советской дипломатии. Можно руачься, что парень уйдет от них с чувством неверия в дело социализма.

Если они увидят на улице колонну красноармейцев, то сейчас же поспеют циничные шутки по адресу Красной армии. Со смехом противостоят

этим учащимся Красную армию английской военной техники, припомнят и танк «Феликс Дзэринский», который, по их мнению, является прекраснейшим старьем, и многое другое.

В школе они держатся свободно, зная, что состав товарищей — в большинстве выходцы из семей служащих, кустарей, интеллигентов, а частично и из нетрудового элемента — обеспечивает известную поддержку их взглядам. Характернейшей из них чертой является пренебрежение к общественным наукам и к общественной работе.

Хуже всего то, что они имеют известное влияние на своих менее развитых товарищей, и при длительном соприкосновении это влияние может стать губительным. Если пораспросить такого «типа» о его планах на будущее, то узнаешь, что после окончания школы он хочет поступить в вуз (непременно в вуз), хотя бы для этого пришлось работать или пролезать в комсомол. Вообще, за его цинизмом и пренебрежительными фразами можно заметить полное отсутствие всяких принципов и идеалов. Вернее, есть и то и другое: его принцип — беспричинность, а идеал — индивидуальное благополучие. Иногда он даже пытается обосновать свои взгляды теоретически, приводя доводы индивидуалистической философии...

Откуда же появились среди части нашей молодежи такие взгляды, совершенно чуждые нашей пролетарской идеологии? Для одних основную роль в создании таких взглядов играет влияние семьи (кулацкой, изъмпанской, обывательской), резкоизмененное настроение и враждебной к советской власти, для других же — длительное соприкосновение в школьной обстановке с чуждым элементом, который до сих пор имеется в избытке во многих наших школах. Кроме этих основных влияний, немалую роль играет влияние переводной литературы и импортных кино-лент, поглощаемых в несметном количестве.

Как пример вредных иностранных авторов, можно привести Клод Фарре — писателя совершенно чуждого нам, являющегося прямым ядом, тем не менее издаваемого в огромных тиражах, —

Оливию Уэлсли, Марана и многих других, в том числе и Джека Лондона, который в некоторых своих произведениях (как «Мадленская хижина большого дома» и др.) является проповедником чистейшего индивидуализма.

Что же касается кинематографа, то теперь его будущему влиянию положен предел сокращением ввоза иностран-

ных картин. Но в то время, когда наши экраны были наводнены пошлишими американскими фильмами, проповедующими индивидуализм и зачастую хулиганство, кино оказывало известное отрицательное влияние на складывающуюся идеологию молодежи.

Н. Травкин (Сызрань)

ЗАМОСКВОРЦЕКИЕ БЫЛИ

В ТУ ночь на Большой Серпуховской чинили мостовой, и от лишился фонарей на месте работ было удивительно светло. Редкие трамваи шли одноколейкой; между рельсами коричневела свежая, развороченная земля; накраивал теплый, мягкий дождик. И от этого све- газа, от этой влажной рыхлой земли, от этой теплой сырости, от выкриков рабочих веяло бодрой тревогой ночных трудов... Вдруг из-за угла оголтело вылетел автомобиль. Следом за ним другой, третий, четвертый — цепляя свою частных такси. Без предупреждающих сигналов, пьяные и вихающие задами, они проносились по месту работ. В окне одного из такси я разглядел груду хризантем и женскую фигуру в белом облаке широфона и сада.

— Свадьба, — проворчал ста-рый сезонник, отскакивая на островок безопасности.

— Вижу, что свадьба, — проце-дил я сквозь зубы и с крепкой ладонью в груди вспомнил, что скоро женится Иван Иваныч.

...В чистеньких туниках и на тихих улицах нерабочего Замо-скворечья стоят еще старинные добрые дома; из их окон, завуалированных маркизетами занавесами и дорожками гардинами, рятаются по вечерам звуки цыганских романсов и фокстротов. Есть там и маленькие до-мушки; на их окнах припущены кисеевые занавески, комнатки тают в розовом полумраке; сквозь кисею и грязное стекло виден малиновый абауз, и слышно, как стонет гитара.

В одном из этих домиков, за одним из этих окончиков живет Иван Иваныч. Ему 25 лет, — возраст, когда комсомолец уже становится партийцем: у него бледная, розовая, хитро-самодо-вольная физиономия, лысеещие темы, и на брошке уже на-ползает южик. На столе у Ивана Иваныча только две книги, о которых не поверишь, что они еще существуют на свете: роман Генрика Сенкевича «Камо грядещи» из древне-римской жизни и «Любовный письмовник», обучавший молодых людей и девиц письменно обращаться в высшем обществе друг к другу, а также к высокопоставленным осо-бам. Издание 4-е, 1900 год.

Может быть Иван Иваныч живет вовсе сейчас, а, скажем, в 1900 году? Может быть он штабный писарь? Но нет! Разве чехословаки зарабатывали двести рублей в месяц и носили фурражку с двумя молоточками? Иван Иваныч с полным правом сообщает о себе:

— Я завидный жених! Только пальцы невесты помаранчи! А мне главное, чтоб имела собственную торговлю.

Иван Иваныч служит на фабрике «Красный Октябрь»; говорит, будто он «инженер, как инженер, — передовой, ма-шину знает, и со всеми в ладу»

Сижу я как-то с ним вечером у сосе-дя, стараюсь понять, чем живет этот человек, чем дышит, не гадит ли случаю

— Ну, что ж! — улыбаясь говорит Степанида Никитична, — это мне в вас ира-вится.

И вот стали посыпать Степаниду Ни-китичну старухи совсем особого вида. И не разберешь: не то подпольные аку-шерки такие бывают, не то сумасшедшие! Накрашенные, в шляпах с перьями и цветами.

Сбрасывает гостья с плеч потертую шубу на лысем меху, крестится на угол и спешит:

— Здравствуйте, милая! Мое предложе-ние — ваш товар.

А Степанида Никитична губы сердеч-ком складывает и, по доброй старинке, любезно отвечает:

— Уж нет! Уж нет! Как можно? Пред-ложение мое, товар ваш!

— А служит молодой кава-лер? — вкрадчиво спрашивает гостья.

— Как же! Как не служить? На «Красном Октябре» инжене-ром. Инженер, Авдотья Павлов-на! Малый в гору идет — не ду-рак. А барышня служит?

— Что вы! Вы вторую ступень только кончает. Невин-на.

— А отец барышни?

— Инвалид, милая! Продукто-вую палатку держит. За Центро-спиртом. Место бойко!

— Не подойдет, душечка. Вот бы с мануфактурой палаткой или с пряжей — это дело. А не-вишность какая теперь? Нужна, да не слишком. Кавалер мой лю-бит, чтобы задорная была и юб-ки короткие, а стриника — фок-строт.

Степанида Никитична не то-ропит. Знает цену инженеру.

Однажды вечером Иван Ива-нич приходит не только что рож-ый — багровый от самодовольства, лоснившийся, прорушенный весь, и в петлице сюртука ма-ленькая хрозантема. Подает хо-зяйке круглую коробку с мат-меладом за 45 коп., да говорит:

— Вот и стасибо, Степанида Никитична, девочка будто нич-его. И товарищи показать приятно в кино-студию бегает, то-стальные журналы читает.

— Значит, женитесь? — спраши-ваю я, не веря своим ушам.

Иван Иваныч облизывается:

— Женено! И должен вам ска-зать от чистого сердца, что не-веста моя из хорошей семьи.

— Любит уже, или дичится? — спрашивает Степанида Никитична.

— Любят, — расплывается Иван Ива-нич. — Меня не любить нельзя! Сначала плакала все, потом отец обращаться со мной выучил — ульбаться стала.

Скоро у Ивана Иваныча свадьба. Ско-ро с Большой Серпуховки к Донскому монастырю и от Донского монастыря к Праге пронесется ватага такси...

...Может быть и так, что кто-нибудь из читателей «Смены» спросит: зачем ты, Жужиков, рассказал нам гнусную сказку об Иване Иваныче? — душу воротит от твоей сказки! Нет, товарищи. Не скажа это, а страшная быль. По-живи с мое в Замоскворечье! А друзья и прители у Ивана Иваныча все больше «сползли»: комсомольцы да молодые партийцы; и брат нареченной Ивана Ива-ничевой жены — вожатый пионер-отряда.

Б. Жужиков (Москва).

Рисунок А. Бреда

на производстве, а он разоткровенни-чается и говорит:

— Мое мнение все-таки, товарищ, что революцию сделали матросы и евреи, чтобы продать заграницу царские брильянты! Эх! я, ей-богу, товарищ, коммунистов уважаю — живи пока живется!

У меня от ненависти к нему сводит склеру...

Иван Иваныч же, рывнув на всю ком-панию винным перегаром, обращается к хохолякам дома, самовары с граммофонами:

— Вы, Степанида Никитична, как жен-щина простая, не откажите мне в услуге по женскому делу. Мне кого-либо прини-мать надо будет, а комната у меня не-важная, так что уж возьмите вы для виду за это дело. Почти как тетя! А я за магарычом не постою — вещами и деньгами.

МАРШРУТЫ ПО

Лыжники-бегуны перед состязаниями.

ВАТИЧИ, АРХАНГЕЛЬЦЫ, СИБИРИЯ...

К ОСЕННИ затихла работа туристских групп и ячеек. Ближе к весне, — в феврале, марта — опять возмутятся ребята за карты, опять начнут составлять маршруты, собираясь спрятки, готовиться к летним путешествиям. Но очень мало туристов представляют себе возможность совершил ряд интересных экскурсий и путешествий зимой. Хотя, нужно признать, что уже в прошлом году находились туристские ячейки, организовывавшие зимний туризм на лыжах.

Вятские комсомольцы-туристы проводили зимой ряд выездов и экскурсий на лыжах. Цель была — подготовиться, натренироваться к летним путешествиям. Архангельские комсомольцы, рабочие лесо-

и в субботу вечером. Рабочие Государственного тормозного завода в Москве организовали настоящий кружок лыжников-туристов. Всего их 30 человек, хотя по последним сведениям количество лыжников к этой зиме будет раза в два больше. Тормозники отправляются на лыжах в 4—5 часов в субботу. К 10 часам вечера они уже отмахнулись от города километров 40.

В Сибири комсомольцы ходили на лыжах в деревни, распространяли крестьянский заем, вместе с тем знакомились с местной жизнью и бытом.

МУРТОМАА, ЧТО ЗНАЧИТ — ПЕРЕСЕЧЕННОСТЬ

Естественно, что при подготовке к зимнему туризму — первая мысль о лыжах и вообще о снаряжении туриста. Лыжи довольно много производится у нас в Советском Союзе. Большине лыжные фабрики находятся в Ленинграде, Петрозаводске, Москве, в Самаре, на Урале. Но качество лыж довольно неважное. А для туриста хорошие лыжи имеют громадное значение. Если у физкультурника сломались или оказались негодными лыжи, у него срывается тренировка или участие в состязаниях. Гораздо хуже, если дело происходит с лыжником-туристом. Лыжа может сломаться тогда, когда до ближайшего жилища десятка два, а то и более километров, скоро ночи и круто глубокий снег, по которому не пропадет пешком.

Поэтому выбор лыж для туриста имеет громадное значение. И вполне понимаешь наших лыжников-туристов с фабрик и заводов, которые избегают брать лыжи на прокат на лыжных станциях, а предпочитают покупать их сами. Эта возможность облегчается сейчас Обществом туристов (РОТ), открывшим свой магазин в Москве для снабжения туристов доброкачественным и дешевым инвентарем.

Наиболее подходящим типом лыж туриста являются «Муртомаа». По-фински это слово означает — пересеченность. Это сравнительно новый тип лыж, существующий десятка полтора лет в Финляндии, и теперь начинающий понемногу прививаться у нас. Впервые наши лыжники познакомились с типом «Муртомаа» на международных соревнованиях три года тому назад. Тогда в Москву приехала группа финских лыжников, во главе с чемпионом мира в беге на лыжах крестьянином Ю. Нииска. Финны, ознакомившись с дистанцией соревнования, имевшей слегка пересеченный характер, выбрали из привезенных с собой лыж «Муртомаа». Наши лыжники посмеивались вначале, предполагая, что финны проигрывают на

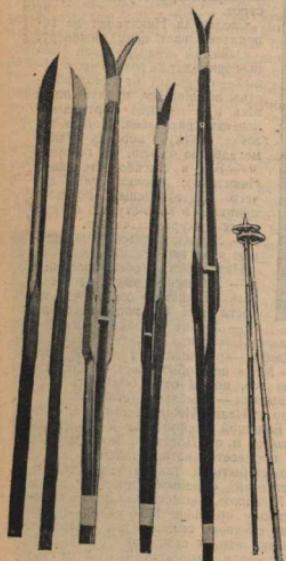
пильного завода уже три зимы организуют туристские выезды. Они ходят на лыжах знакомиться с предприятиями, находящимися в двух-трех десятках километров от Архангельска, с жизнью деревни, с зимней природой.

Ячейка туризма при залоде «Мосэлектрик» в Москве проводит всю зиму лыжные экскурсии в дни отдыха. Ребята сами составляют интересные и разнообразные маршруты, спасаются с местными крестьянами и отправляются в воскресение утром, а то

в эти сравнительно коротких и широких, сравнительно неуклонных лыжах перед узкими, легкими беговыми лыжами изогнутыми. Вопреки ожиданиям финнов из средине дистанции оторвались уже значительно раньше всех наших лучших лыжников. Эти пришли всей группой впереди наших к финнам. Хорошее качество лыж «Муртомаа», обладающие большой ходкостью и в тоже время легко управляемых в пересеченной местности, проверили с тех пор неоднократно. Сейчас первоклассные наши лыжники все обзавелись лыжами «Муртомаа». Этот тип является наиболее подходящим для лыжного туризма.

На вторую степень можно поставить горные лыжи типа «Телемарк». Это специальные горные лыжи, легкие и управляемые. Но они имеют не большую ходкость. Зато лыжи «Телемарк» весьма прочны. А это качество, как говорилось выше, имеет большое значение для лыжника-туриста. Беговые лыжи типа «Идеал» и «Хаповезис» мало пригодны для целей туризма. Это узкие лыжи, глубоко проваливающиеся в снег, ломкие и неудобные для управления в пересеченной местности.

Из остального лыжного снаряжения следует иметь крепление палки с колышками на прочных ремнях, с хорошоющими стальными наконечниками. Из обуви вполне подходит валенки. Из специальной обуви наиболее подходит пяксы «Муртомаа», имеющие та же крючок на носу, как обыкновенные пяксы, но зато обладающие твердым носом для твердую подошву и каблук для пятоного ремня. Обыкновенные пяксы мало подходят. Годятся ботинки для горно-лыжного спорта. Только к ним всегда нужно иметь пятоного крепления, в то время как пяксы «Муртомаа» держат лыжу и без пятоного крепления. Из остального снаряжения нужно иметь две пары шерстяных носков или портняжин, желательно иметь шерстяной свитер. В крайнем случае одевается теплая гимнастерка. Сверх свитера или гимнастерки трусики следуют иметь свободную в плачах куртку или пиджак. На голове вязаную шапку (можно и простую кепку) и обязательно шапки наушники.

Лыжи различных типов. Слева направо: «Муртомаа» московского производства, «Муртомаа» ленинградского производства, «Идеал», «Хаповезис».

Нюстюм лыжника-туриста, йоки

СНЕГАМ

Очерк
Л. БАРХАША

СНАРЯЖЕНИЕ ЛЫЖНИКА

Так как закупить лыжное снаряжение на личные деньги далеко не всем, необходимо взять на себя организацию кредита. о дело организаторов туризма в ячейках, в ячейке много интересующихся лыжным туризмом, следует выделить специальный организатора лыжам. В дальнейшем лыжники-туристы, если их больше четырех человек, выбирают брою лыжной секции, которое руководит всей дальнейшей работой. Кредит всем членам Общества туристов предоставляется в настоящее время магазин «Турист» (магазин РОТ, помещающийся в Москве, угол Кузнецкого моста и Петровки). При гарантии со стороны фабзавкомов или месткомов и коллективной заявке кредитдается на срок до двух месяцев. Кроме этого, отдельные туристы могут, предварительно выбрав нужный инвентарь, забронировать его за собой, погасив стоимость его взносами в три полугодия. Товар выдается на руки после третьего взноса.

Несколько труднее добиться кредита у других торгующих организаций. В крайнем случае можно добиться известной помощи со стороны фабзавкомов или кулькомиссий, получив у них ссуду для закупки инвентаря, с погашением в течение определенного срока.

Следует договориться с находящимися поблизости лыжными станциями о предоставлении лыж туристам на наиболее льготных условиях, о бронировании лыж за предварительным заложком. При этом обычно обявляется широкая запись в лыжном туризме, ведется соответствующая агитация. Не плохо организовать вечер лыжного туризма, провести несколько бесед на то, что дает лыжный туризм для здоровья, для повышения культурного уровня, для практические указания лыжникам-стартам.

НУДА И НАН?

Каждой задачей является разработка и подготовка маршрутов. Для этого привлекаются и опытные лыжники и краеведы. Маршруты должны включать и пе-

речесченную местность, где интересно покататься на лыжах с гор, и пункты, представляющие ту или иную ценность для осмотра, для отдыха и почтения. Желательно заранее списываться с избами - читальными, комсомольскими ячейками, загородными фабриками, договариваясь о возможности посещения в зимнее время, местах для отдыха и ночлега. Маршруты составляются различным образом однодневные, полуторадневные. Из расчета на два-три дня праздников составляется несколько маршрутов на большее расстояние. При этом норма перехода в день устанавливается от 30 до 40 километров. Не следует увлекаться дальными прогулками на скорость. Спортивное увлечение здесь побеждет в ущерб культурной и гигиенической ценности путешествия. К началу зимнего сезона необходимо разбить лыжников-туристов на группы. Если летом мы не разбиваем туристов по силам, поскольку дистанции обычных туристских путешествий доступны мужчинам и женщинам, совершенно другое дело зимой. Для опытного тренированного лыжника переход в 30—40 км, в день не является утомительным. Для него такая дистанция сохраняет и туристское значение, т. е. дает возможность оставлять достаточно времени и сил для осмотра достопримечательностей, ознакомления с жизью деревни, посещения какого-либо села и т. д. Мало подготовленный лыжник, особенно первый год ставший на лыжи, способен пройти лишь несколько километров. Все это приходится учитывать.

Вот как например прошла экскурсия из Москвы в Горки, проведенная в прошлом году Бауманским райкомом комсомола.

Явилось 160 лыжников. Тронулись в путь не отдельными группами, разбитыми по силам, со старшинами ответственными руководителями во главе, а всей массой, быстро растигнувшись за городом на несколько километров. Среди лыжников оказались совершенно неопытные, не знающие в какой обуви итти и как нужно одеться. Затем организаторы экскурсии не рассчитали сил, прибыли на место слишком поздно. В результате опоздали на траурное заседание комсомольской ячейки (была подозрена смерти Ильиня). Не было подготовлено аарнее помещение, участники всю ночь дрожали на морозной соломе, прикрывались вместо декораций.

Совершенно иначе прошли лыжные путешествия московских пионеров.

Заранее списались о местах для ночлега и отдыха в пути. Подготовили свою живую газету. На первом же призве организовали вечер самодеятельности, смешку с местными пионерами. В пути все были разбиты на небольшие отряды, по 10 человек каждый, с опытным лыжником в качестве руководителя. Перед отправлением в путь были проверены одежда, обувь, снаряжение. Предварительно были даны полные указания. В результате пионеры совершили переход совершенно благополучно, привезли с собой в дневниках массу ценных записей о зимней природе, о жизни местных крестьян, пионерских организаций и т. д.

НЕ МУЧАЙТЕ НОВИЧКОВ

Как правило, следует избегать вообще новых кадров рабочей молодежи. При массовых походах на лыжах. Если таковые неудача группа начнет быстро таять.

Первая вылазка.

и проводятся, то все участники должны быть разбиты на отдельные отряды, не более, чем по 10 человек в каждом.

Очень важно, чтобы маршруты были составлены не только по интересу, но и по силам участников. Для лыжников, первый год стоящих на лыжах, дистанции должны быть установлены в начале сезона в 5—8 километров в оба конца, постепенно увеличиваться и дойти в конце сезона, до 20 километров в оба конца.

Для подготовленных лыжников маршруты в среднем должны иметь от 20 до 30 км. в оба конца. Лишь в крайнем случае устраиваются более длинные дистанции.

В начале сезона проводятся первые вылазки лыжников-туристов на несколько километров. С каждой группой начинающих (желательно не более пяти человек) идет опытный лыжник, дающий все необходимые объяснения. Заранее на станции осматриваются одежда, обувь, снаряжение. Не следует допускать к участию в экскурсиях лыжников, одетых в длинные пальто или имеющих перчатки вместо рукавиц. В первом случае лыжник быстро вспотеет, устанет, расстегнет пальто, будет спотыкаться на каждом шагу и в конце концов рискует простудиться. Во втором случае — большой риск отморозить пальцы.

Особое внимание следует обращать на успешное проведение первых экскурсий. Удача привлечет в ряды лыжников-туристов.

ДРАМА ВОЛЬДАХ

Рассказ Эдис Сэргрев

1

ОН ВЕСИЛ двенадцать кило. У него был жабий живот, каменистыми уступами свисавший на крылья и слабые ноги, — и вся тяжесть была в этом гребне. На ощерившемся широком лице застыла улыбка злобного самодовольства; короткие ручки с раскрытыми ладонями были подняты для благословения, и узкий лоб пересекла продольная морщина Кайна.

— Его как-то подарил полковнику Ферри полковник Литтон. Это скучалось на заре новой истории человечества, нашем веке.

За послеобеденным кофе Ферри сказал своей жене:

— Богатая вецица, Согро ди бакко! Замечательно пристократические вецицы У генерала Пэйдж тоже есть урод. Это называется фетиш, моя милая, фетиш! В хороших домах считают, что эти штуки приносят счастье.

И полковник Ферри назвал подарок полковнику Литтон своей маскоткой, хотя полковник Литтон никогда не пропил карьеру маскотки своему старому пресс-шапке.

В прошлом году Ферри был назначен командором дирижабля «Роккета»; он взял своего идола в полярное путешествие. Но правила погрузки были жестки, сила дирижабля точно учтена, и командор Ферри выбросил за борт двенадцать кило мясного желе — чистейший вес, вытесненный каменной жабой..

Командор Ферри был немолод, коренаст, немного тучен; у него были длинные руки, плоский лоб с впадиной посередине и сдавнутые к' переносице глаза. Он считался неважным летчиком, но, как бы то ни было, его поставили командовать «Роккетой». На это «Роккета» летели тихие, сдержаные люди, сменившие мирную свободу кожаных кабинетов на заточение в ледяном пространстве; они направлялись в область, отмеченную на картах Арктики белым пятном; у них были свои цели, у Ферри — свои.

Над Толемским островом «Роккета» потерпела легкую аварию. Одни из моторов забастовало; нужно было выкинуть разницу между тяжестью барака и трудоспособностью раненой машины. Командор Ферри сумел распорядиться.

Молодой метеоролог Торбальденс занес много инструментов; круглые, длинные и складные, они работали день и ночь; они бросались в глаза и занимались неотносящимися к «Роккете» вещами: качеством воздуха, окраской звезд..

Командор Ферри предложил изъять их из обращения «Роккеты», чтобы облегчить ей полет; их судьбы разделил узкий ящик геофизика Борна и телескоп астронома Гарнси — светящийся телескоп мелкой и благородной породы...

— Из полета высыпаются смислы! — кричал Торбальденс, бледный, как драуроминий; — смисы летят вниз, а мы продолжаем мчаться вперед! Надо возвратиться.

Но Ферри был командором «Роккеты».

2

«Роккета» погибла. Двадцать пять человек разбрзгались спутками крови по синему льду. Торбальденс спасся; спас также командор Ферри. Товарищем по удаче им привался Саббаторе, младший помощник.

Саббаторе было лет 28—30. Это был хильд для летчика и неловкий человек. Прежде, на «Роккете», он выглядел так, словно был вечно подвергнут дисциплинарному взысканию, как можно быть подверженным простуде.

Оглушенные, они сгруппировались кучкой рядом с хаосом металла и мусора. Вокруг расстилась бесконечная белая пустыня. На черной бороде и меховой груди Ферри густо блестела замерзшая слюна.

— Ну вот, господа, — тихо сказал начоинец Торбальденс, — я не знаю, где мы. Разумеется, надо ити на юг.

Он говорил на скверном английском языке; это был единственный язык, на котором все трое могли бы обஸниться.

— Я знаю, — сказал Ферри, — я приказываю ити на юг. Торбальденс продолжал:

— Разумеется, взять с собой консервы и спирт. Ферри согласился.

— Консервы и спирт я приказываю взять с собой.

— Следует поскорей, — сказал Торбальденс.

— Я приказываю трогаться немедленно!

Из-под обломков «Роккеты» удалось добить и мясные консервы, и твердый спирт, и мешки. У Торбальденса сохранился компас, у двух других — оружие.

Вдруг командор вспомнил. Лису, он поднял к небу длинные руки, потом бурно обнял Саббаторе. Саббаторе раскашлялся, поперхнувшись уважением; Ферри велел искать под обломками «Роккеты» еще и еще.

— Что он ищет? — терпеливо спросил Торбальденс.

— Мое, — ответил командор.

В этот день им везло, и младший помощник нашел все, что ему приказали. Маскотка командора была цела. Эта тварь не изменилась с тех пор, как Ферри снял ее со своего бюро. Она отнюдь не убавилась в весе и николько не похорошела.

— Всего двенадцать кило, — сказал Ферри.

У Торбальденса от недоумения склегка кружилась голова. Торбальденс с опаской поглядел на него.

— О, нет! Пустая тяжесть, идотская тяжесть!

Ферри откинулся голову, и обледенелая борода поднялась:

— Иначайчик!

— Иначайчик я, — покачал головой Торбальденс.

— Иначайчик он, он! — испуганно крикнул Саббаторе, указывая на командора.

Швед ничего не ответил. Он пересчитал про себя коробки с консервами и отложил одну треть в свой мешок; две другие проделали то же самое. Когда с консервами было устроено, Ферри втиснулся двенадцать килограммов идола в скважину, которую из пакетиков «Роккеты»; этот груз он передал младшему помощнику. Итак, за спиной у Саббаторе был походный мешок, а в правой руке скважин с маскоткой.

— Зачем вы несете чужую вещь? — спросил швед.

Саббаторе испытывало поглядел на него и промолчал. Вдруг Ферри пошел на морвону; у него была кудрявая улыбка, пленительная детская улыбка, обнажавшая передрамовые зубы. Он постучал кулаком по рукавице в высокую грудь Торбальденса и похлоянал по боку скважин Саббаторе.

— Тут моя счастье, — дружелюбно обсыпал он, — ценная вещь! Я должен был из-за нее выбросить даже ваши инструменты.

Швед понял, но только простонал. Затем он взглянул на компас и пошел к югу. Остальные двое последовали за ним. Впереди расстилась ясная кристаллическая безнадежность.

С Торбальденсом было неладно: его физически томила сила о человеке, несущем по его следам не нужную и пустую тяжесть. На протяжении целого километра швед искал английских слов для выражения своего смутного страха:

— Слово «варварство» слишком неясно, — сомневался Торбальденс. — Дирак, трогодит, зулус, готтентон — это лишь просторы браны.

Он нашел наивное слово, которое почему-то казалось ему подходящим, чтобы кратко возвратить к сознанию Ферри.

Он повернулся лицом к спутникам и подождал их, прочно расставив длинные ноги на льду.

— Вы — каннибалы! — сказал он командору.

Но, как ни удивительно, полковник Ферри вовсе не знал этого слова.

3

На шестидесятом часу пути стоял все такой же день, в который разбрзился дрижабль. Полярный день — половина года: мертвое болото блеска и тишины. Для полярного дня шестьдесят часов — минута. Вкус съеденной пищи или произнесенный звук хранится во рту целую вечность; если сказано слово — слух не может рассстаться с ним; мыслы живут долго, как черепаха. Так консервируют жизни: мороз и тишина.

— Мы должны взять ее с собой, — все еще звучал в мозгу шведа первый разговор к командором.

— О, нет, пустят тижесть...

— Я начальник...

Они почти не обращались друг к другу. Лица их покрыты, опаленные холодом, и стали похожи на лица негров.

Саббаторе громко дышал. На привалах, за едой, Торбальдсен снимал правую рукавицу и вел дневник; он писал в блокноте гоненными карандашом, то и дело высыпываясь из оленевых пальцев. Научных записей Торбальдсен не вел. Ему нечего было работать.

«От 11 июля 1928 года.. Тихо... Телескоп, микроскоп, микрофон — продолжение органов человека. У меня ампутированы эти научные приладки: двое моих спутников в лучшем положении: продолжение их рук — револьверы...

От 11 июля 1928 г., через шесть часов... Тихо... Саббаторе продолжает таскать саквойж. Правда, мешок с провизией становился легче, но сам Саббаторе становился слабее...

От 11 июля 1928 г. 10 часов вечера... Тихо... Страх рождается, непонимание. Дикарь боится явления природы, естественное испытатель боится дикара. Ферри боится рассстаться с глиссоманом. Саббаторе таскает двенадцать идиотских кило из стражи перед судом. Я боюсь Ферри и Саббаторе.

Они не ели; с невыразимой жаждой они принимали свои жалкие дозы пищи, как наркотик, и, когда действие наступало, подымались, чтобы идти вперед.

На пятнадцатом призвале пришлося отказаться от горячей пищи. Сухой спирт искал. Брошенные за ненадобностью спиртовки и чайники отмечены ими путь, как кости археологов — путь каравана. Путники были хорошо экипированы, но тепло, не возобновляемое изнутри, быстро иссякало. Его не могли удержать ни двойная парта теплого белья, ни пуховый свитер, ни меховые куртки. Одно испарилось: сквозь ноздри, глаза, уши и скучные слова. Люди силились уберечь это тепло и донести его до живой земли... точно оно было тем зерном, из которого могла возродиться их органическая жизнь. Но все было тщетно; тепло оседало инеем на их воротниках и небритых лицах. Внутренний холод создавал чувство одиночества в мировом пространстве. Они спешали на юг, туда, где тает лед, чтобы встретить землю, на которой можно найти человеческую дорогу или человека, которого можно спросить о земле, или зверя, которого можно убить, чтобы, подкрепившись, идти дальше на поиски земли и человека...

Отчаяние наступило внезапно. 14 июля Ферри крикнул, привнавив руки к прозрачному небу:

— Каплю! Одну каплю горячего! Каплю горячей пищи!

Я умираю.

Он испугался своих слов, но не мог бы взять их обратно, даже если бы захотел.

Торбальдсен записал: «14 июля 1928 г. Без перемен. Прогнозы хватают. Но они южнее — вот в чем дело. Им трудно удержать внутреннее тепло. То, что они южнее, значит страшно много»...

На привале Ферри простонал:

— Я хочу первую, зеленого перца, который жжет внутри!

Он сел свою порцию горячего сала и успокоился. На этом кончился первый приступ отчаяния.

15 июля. Саббаторе отморозил руку. Она висела у него, как плец; проснувшись, он не мог подняться и Торбальдсен помог ему встать. Ферри мрачно смотрел на эту сцену.

В путь выступили поздно. Перед дорогой Торбальдсен поклонился на желтый саквойж; в сердце шведа шевельнулось что-то вроде детского злорадства; но Ферри резко крикнул по-итальянски, и Саббаторе, съжившись, указал на свою меторолога. Метеоролог выступил вперед, чтобы заслонить Саббаторе.

— Что вы хотите?.. — крикнул он командору.

— Он должен взять этот саквойж. Он солдат, — тупо ответил Ферри. Торбальдсена охватил знакомый ужас:

— Вы сошли с ума. Это безумие! Он болен. Несите сами.

— Он должен, — крикнул командор, — я приказываю.

— Саббаторе не возьмет, — твердо сказал швед.

— Саббаторе знает, — вкрадчиво сказал Ферри, — я начальник, он солдат. Солдат не слушается — подлежит расстрели. Такова дисциплина.

Рука командора легла на пояс, на котором висел короткий типу револьвер.

Саббаторе ринулся к саквойжу, но упал всем телом на большую руку. Его привел в сознание Торбальдсен. Он снял с плеча Саббаторе легкий мешок, втынув его в свой и с проклятием приподнял саквойж.

— Идемте вперед — сухо бросил швед.

Ферри удивился. У него была прелестная улыбка, обнажавшая первымутровые зубы.. Он дружелюбно дотронулся до плеча метеоролога:

— Вы северяне, вы не побьете. Это мое счастье. Я не могу отказать от счастья...

Стоял все тот же полярный день. Каждый шаг приближал их к цели; росли не мерянные километры, росла ненависть Торбальдсена, кружилось желтое солнце, становились легкими походные мешки, и только маскота командора держала свой вес.. Но надежда не покидала их. Они шли на юг к открытой воде, к земле, к дымкам пароходов...

Торбальдсена мучили мысли, которые он мог бы поведать только инструменту, а не человеку. Только инструмент мог разрешить сомнения шедса, поддержать, разочаровать. Компас и хронометр были беспомощны в этом деле, а все остальное лежало на далеком острове Тюленей, выброшенное с днрикалью командором «Роккеты».

Однажды в полночь Торбальдсен проснулся; его спутники спали, как убитые, их лица, густо смазанные жиром, отражали солнце. Торбальдсен приподнялся на локте и с ожесточением ударили кулаком по желтому саквойжу. Металлический замок щелкнул; саквойж раскрылся, обнажая омерзительное тело идода. На лед посыпалась гребешок, тонкая книшка в мягком переплете, синие подтяжки. Вдруг в глаза Торбальдсена блеснула знакомый медный предмет. Метеоролог схватил его обеими руками.

Это был сектант астронома Гарнье.

Торбальдсен произвел вычисление дважды и трижды, и когда цифры сошлись в четвертый раз, он встал на ноги и резко растоптал своих спутников:

— Эй, командор Ферри! — сказал Торбальдсен. — Идти вперед не надо.

Ферри вскочил на ноги и зашатался:

— Как не надо? Мы идем на юг, на юг!

Торбальдсен горько усмехнулся:

— Мы идем на юг. Вы правы... — он помолчал немножко и добавил: — но нас относят к северу. Понимаете? Это, — он ударил ступней по льду, — это не материк, это льдина. Это пловущая льдина.

(Окончание следует)

“ДОСТИЖЕНИЯ” НАШЕГО КЛУБА

Фельетон А. КРОНГАУЗ

Игры бывают самые интересные.

ТРУДНО забыть события нашей по-
следней экскурсии. Отправились мы
с субботы на воскресенье в полном со-
ставе туристского кружка, с оркестром в
загородную разведку. Весело разноси-
лись звуки нашего оркестра, неумолимо
били барабаны, ровняя шаг нашей колонны,
но на поддороге встретились нам
похоронная процессия; сагиттировала она
наш оркестр играть над покойником за
15 рублей. Как ни кричали туристы,—
оркестр ушел.

Да, ушли они с покойником, а Васька—
староста туристов — остремел:

— Это они пынствовать собираются!
А мы?

И зашел он в кооператив и вынес пол-
бутилки на всех, по бутылке на каждого
и четверть на разгон. Кое-как выбралис-
ся в поле, выбрали подходящее местечко
и наклонялись, если сказать откро-
венно, как диалектика.

В деревне, куда мы приплелись уже
в сумерках, случайно сошли нас пьяными
и пришлося нам иметь переговоры с
сельсоветчиками и с милицией. А так
всобще было весело и приятно. Накидали
мы девчам за ширпотреб лягушек, давали
их там и веселились. Если же принять
во внимание нашу почевку под от-
крытым небом, а это, как известно, изве-
стия хорошей закалкой для туристов,
то полезность нашего опыта едва ли
можно опровергать.

Иногда удивляешься разносторонности
работы наших кружков текущей политики
и нового быта, особенно первого.
Вот для примера выписка из последнего
протокола:

Слушали:	Постановили:
Доклад т. Охму- рева об усилении антисемитизма в со- циалистическом строительстве.	Организовать стрелковый кружок.
Тов. Желтопу- хов присоединяется к антисемитизму и предлагает послать приветственную те- леграмму т. Куйбы- шеву по случаю хле- бозаготовок.	

В конце комнаты ставят девочку из драмкружка.

женщины дышали бы углекислородным
воздухом».

Хорошие песни запевают наш хоркру-
жок. И не ту «Дуню», что про студен-
тов и матросов, а свою несравненную ре-
волюционную «Дуню» про всяких во-
ждей:

«Дуня вышила рубашку,
А за нею прет Семашко.

Эх, Семашко, эх, Семашко,

Дуня вышила рубашку!»

Или про Анатолия Васильевича:
«Дуня пудрит длинный нос,
А за него наркомпрос.

Эх ты! что ли, что ли
Луначарский! Анатолий!»

И еще про тов. Бухарина:
«Год не мила Дуня харин,
В гости к ней пришел Бухарин.

— Выймай, выймай, Дуня харин,
Завяляет ей Бухарин.»

В случае, если приходит в кружок хо-
рошенькая девчонка, хоть и не член
союза, принимают ее в два счета. Прямо
красота, если посмотреть на на-
кладные вечера. У всех губки бантинки
и алье, арикне! Прямо дрожь пробирает
от радости за культурную революцию.

Наши артисты из драмкружка! Прав-
ильно, можно сказать, высокопоставленные
особы; даже часушку про них Шурка
сочинил:

«Захожу в наш клуб я,
братья,

В ночь под восkre-
сенье,

Лая на туфлях, щелк-
на платьях —

Прямо нет спасенья!»

И все бы у нас было
с драмкружком превос-
ходно, если бы склок и
карьеризм не было: ка-
ждый первую роль хочет
получить. И еще плохо
от скучи и похабщины,
что печатают в журна-
лах для клубных драм-
кружков.

Чтобы не забыть, пы-
об игровом кружке.

Игры бывают самые ин-
тересные. Если бы иметь
возможность, следовало
бы все их записать и изда-
ть в массовом порядке.

Скажем, скажем, гости
какого-нибудь на пол,
даем ему в руки топор,
наливаем между ног воду
и говорим:

— В случае, если кто-то
захочет выпереть воду,
круг его топором.

Гость сидит наготове,
а ему хватают за ноги да
по воде штанами.

Эту игру журнал «Кре-
стьянской молодежи» ре-
комендовал.

Еще играем в интерес-
ные игры, но опишу из
них я только одну, на-
зывающуюся которая «миро-
вая революция».

В конце комнаты ставят девочку из драмкружка, а одному парню, который не в курсе, завязывают глаза; и он через вытянутые ноги ребят (классовых врагов) должен добраться до девочки (мировой революции) и ее поцеловать. Ну, а когда уже подобрался он к девушке, то девочку принимают, а подставляют взамен ее щетку, намазанную ваксой.

И еще есть хорошая игра: «кто кого больней ударит».

Обижаются, правда, на нас ребята с производством и из-за этого другого раз в клуб не являются. Но отдельные личности не играют роли в истории.

Раз в два месяца подводим мы итоги круизковой работы на закрытых вечерах. Очень приятные вечера! Самодеятельность бывает, пипо. Посторонних не пускаем, только одни теплые и деловые ребята, живущие в нашем переулке: любой на пари живую курицу проглотит.

Пробовали мы обмениваться опытом с другими юнисекциями, но нигде нет достижений лучше наших.

Вечерами собирается молодежь.

ОБ ОДНОМ ВЕЧЕРЕ

Очерк М. П.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ шумной Пресни и задумчивого, обсанкционного деревьями, Пресненского вала, поминаясь еще декабристское восстание 1905 года, возвышается невзрачное здание. Узкие щели зарешеченных окон и скобу приплюсивший к «ланям» ствол колокольни говорят о прошлом его назначении. Теперь здесь разместился клуб металлистов «Красная Пресня». Клуб обединяет девять предприятий с несколькими тысячами рабочих и служащих. Ни вовлеченные в клуб идет очень мало. Если летом 1927 г. число членов клуба доходило до 600 чел., то сейчас осталась половина, — остальные механически выбыли. Это ярко показывает, насколько сумел клуб заинтересовать своих клиентов. Сейчас правление предпринимает кое-что для организации повседневного досуга рабочих, расширив читательно, открыл уголок молодежи и комнату отдыха, где имеются газеты, журналы, шахматы и разные игры.

Но есть в работе этого клуба одно очень нездоровое явление. Думается, что его нельзя считать особенностью только клуба краснопресненских металлистов, а скорее распространеннейшим и даже повальным явлением. Вот о нем мы и расскажем поподробнее.

Наше строительство в кирзов зеркале...

...лад об Октябре и приветствия закалились. В антракте в зал тянется молодежь, сидевшая во время торжественной части вечера фойе и в комнатах юнисекции. Зал быстро наполняется. Стоят во всех проходах, сидят на коленях друг у друга, на краю сцены, в посещении оркестра...

Завеса открыта. Вертлявый конфуз с подчеркнуто развязанными манежами и с ужимками, рассчитанными на эрзителей, обявляет программу выступления эстрадного кружка. По его словам, в день XI годовщины Октября советская власть подсчитывает свои достижения, и «мы тоже хотим показать вам свои достижения», эстрада полномочила меня заявить, что мы не только не отстали от американской техники, но даже перегнали ее... Музыка, «чинай» — и конферанс скрывается под звуки фокстрота «Бесна в Париже». Две девицы исполняют глупейшие чаушки на современные темы. В освещении непонятно, — почему после ства изживается товарный голод, исчезает очередь? Напрасные мечты! Не

«Танцуют чарльстон, парижский стремитесь вперед, привыкайте и примите с тем, что есть: чарльстон, чарльстон, и ночь, и день. Танцуют чарльстон, парижский чарльстон, кому не лень»...

Зрители недоумевают: где это в социальной России танцуют днем и ночь чарльстон? С облегчением вздыхают, когда номер кончен. Но дальше не легче. — Парадокс американского чарльстона в двух вариантах, — объясняет конферансье. — Вариант первый!

Частушки, построенные на сопоставлении «раньше» и «теперь». Оказывается, товарищи читатели, мы с вами глубоко ошибались, когда передевали картины этого «раньше», развернутые перед наами докладчиком на октябрьском вечере: эксплуатация, бесправие, угнетение... Да было ли это? По мнению например эстрадного кружка, раньше жилось все не так уж плохо... Но крайней мере не так, как «теперь».

«Раньше — новый дом не падал, а теперь — наоборот... Белый хлеб был белый, а теперь — наоборот... За квартиру брали мало, а теперь — наоборот...»

И после каждого куплета припев: «Без привычки трудно было, привыкли — ничего!» Не обошлось и без настойчивого смакования вопросов «быта»:

«Раньше страсти пускали в ход, если женщина согласна, а теперь — наоборот: ныне требуется сила, а согласье — для чего?»

Без привычки трудно было, а привыкли — ничего!»

Но может быть, эстрадный кружок хотел обратить наше внимание на эти недостатки, с которыми надо бороться? Может быть мы чем скорее возьмемся за них, тем скорее изживем все это? Нет, тт, напрасны ваши старания. Раньше — вот было хорошо! А теперь? «Теперь» нечего даже надеяться на улучшение вашего положения...

Может вы даже думаете, что с ростом благосостояния нашей страны, с ростом заводов, с улучшением сельского хозяйства исчезнет товарный голод, исчезнут очереди? Напрасные мечты! Не

Потом выступали с танцами.

революции, в XI годовщину Октября, когда все клубы старались показать все лучшие достижения своих художественных кружков.

Наша жизнь, наши песни

В клубе имеется два рояля, из которых ни один не запирается. И вот вечером собирается молодежь; один играет, несколько поддевают. Подбирают чайные мотивы, большей частью одним пальцем. Но там вы не услышите ни марша Буденного, ни «Проводы», зато «Стаканчики граненые», «Сыжен звон бубенцов», «Прощай ты, новая деревня» готовы барабанить целый вечер, пока не усилится завхоз и не прогонит, испугавшись, что опять придется настраивать рояль.

Молодежь жаждет схватывать все новые мотивы, каковы бы они ни были, в особенности прививаются смычанинские где-нибудь со сценами в саду или в клубе. А что дает клуб? Об этом мы только что говорили — цыганчину, различные фокстроты, которые преподносятся эстрадным кружком и приглашенными артистами.

Полной противоположностью являются клубные хоры. В их репертуаре гораздо более такого материала, занимательность которого молодежью можно только приветствовать.

— Спили мне, знаешь, эту песню. Ну, которую вы сегодня репетировали, ладно? — Такую просьбу можно услышать очень часто.

У нас в клубе прошлый год все увлекались «Шахтой № 3», впервые занесенной в клуб хор-кружком, а сейчас и в библиотеке, и в тире, и в буфете вы можете услышать: «Все выше, выше и выше — авиа-марш, исполненный одним хор-кружковцем недавно на вечере. Имеются свои клубные знаменитости, которые выступают с сольными номерами. Их встречают грохотом аплодисментов и никогда не устают слушать.

Комсомольский отряд по сбору железногого ложа.

ПИОНЕР ОТРЯД ИЛИ СКРИПКА?

Пионеротряд или скрипка, общественная работа комсомольца или учеба в консерватории — что важнее — вст. вопросы, поставленные рассказом П. Майера «Скрипач Андрея» (№ 18, «Смена» за 1928 г.). Заканчивая печатание дискуссионных откликов, мы помещаем статью тов. Луначарского, ставящую вопрос принципиально, и заключение редакции.

КОМУ ЗАНИМАТЬСЯ ИСКУССТВОМ?

Прошло уже то время, когда, по недостатку понимания значения искусства в развитии общественности, некоторые предполагали, что можно относиться к нему просто как к роскоши. Комсомол сейчас менее, чем какая-нибудь другая организация, может заслужить упрек в непонимании значения искусства. Он делает многое для распространения хорошего искусства в рядах комсомольцев и для того, чтобы помочь комсомольцам, художественно одаренным, выдвинуться и заняться тем или другим художественным трудом.

Разумеется, для этого делается еще недостаточно, да и вою государство наше слишком бедно для того, чтобы обеспечить такое выдвижение в совершенной беззаботной форме.

Однако надо с другой стороны отметить, что в молодых годах очень многие воображают себя поэтами, беллетристами, живописцами, музыкантами и т. д., имея лишь очень небольшое дарование.

Карьера художника, скульптора или актера часто кажется чрезвычайно заманчивой. Поворот общественного мнения в ту сторону, что искусство действительно является революционно-ценным, когда оно пропитано соответствующим содержанием, еще более усиливает тигу в этом направлении. Беспрестанно встречаешься юношей и девушек, которые глубоко убеждены в своей талантливости и страстью и болезненно прокладывают себе путь к желанной художественной карьере.

Между тем, как ни ценено искусство, все же нужно сказать, что оно отнюдь не возывается по своей ценности над общественной работой или над работой в области науки, техники, журналистики и т. д. Оправданием для того, чтобы заниматься искусством, может служить только большой талант.

Наше время таково, что мы можем надеяться на выдвижение талантов не только из большой верхушечной группы, как это было до сих пор, но из всей толпы нашего народа. Пока у нас нет еще перепроизводства художников, но оно легко может наступить при таком массовом выделении (особенно писателей) из широчайших кругов, а этого вовсе не нужно. Не только бездарное писательство и всякое другое бездарное искусство, но даже искусство не очень даровитое имеет весьма относительную ценность и не может служить опиравшимся для существования человека, производящего его в обществе. Плох тот, кто пишет очень заурядные картины, рассказы, стихи и думает, будто этим самым он выполняет весь свой долг перед обществом. Сделать из искусства свою профессию, целиком отдаваться искусству может и должен только тот человек, кото-

рый обладает крупным талантом и который проприерил его.

Да и то нужно сделать оговорку, чтобы отдать целиком своему искусству и отгородиться от общества, его нужд и запросов, — это значит сознать базу своего искусства. Даже художник-профессионал, и очень талантливый, сделает прекрасно, если рядом со своим художественным делом, будет иметь еще какое-нибудь занятие, более прозаического типа, и в не меньшей мере будет участвовать и активно участвовать в той или другой полезной организации.

Что же касается людей второстепенного таланта, то они должны прямо так и относиться к искусству, как к одному из своих занятий, и рядом иметь какое-нибудь другое. Это несколько не вредно для художества. Мы имеем много случаев, когда люди, занимавшиеся тем или другим полезным трудом, ничего общего с искусством не имели, творили тупые художественные произведения.

Для всякого художественного дарования очень важна широкая связь с жизнью. Поэтому правило для каждого молодого человека, который верит в зародыши таланта в себе, является во-первых хорошенько проверить, действительно ли это талант, обратиться для этого к знающим людям, посмотреть, как воспринимает его произведение окружающая среда; во-вторых, готовиться к художником, если для этого оказались данные, не упускать из виду своего общественного развития, а также и изучения какого-нибудь другого ремесла или занятия, к которому нужно относиться, как параллельному.

Я так мыслю, что даже если талант оказался крупным и человек уже становится профессиональным художником, он все равно должен опасаться односторонности и не впадать в узкий профессионализм. Конечно это особенно важно для писателей. Писатель является глашатаем общественности и исследователем общественности. Чем больше сам писатель находится в гуще общественной жизни, тем более выигрывает его произведение. Конечно из этого не следует, чтобы нужно было комкать время, потребное для обучения, или чтобы художник не имел практики или даже об疵нности отставать, потому что, как напоминает известный опыт, свое право на более или менее длительное спокойствие, когда он оформляет и создает свое произведение.

Вот те, очень простые, но, как мне кажется, первые мысли, которые можно высказать по поводу вопроса о том, кому заниматься искусством.

Общественная организация, сила, если дело идет о ее члене, должна, таким образом проверять, забуждение ли это относительно себя или подлинное дарование. В первом случае нужно мягко и осторожно отвести молодого человека от его самообмана; во втором — надо дарование заботами и поддержкой молодое дарование.

А. Луначарский

КОМСОМОЛЬСКИЙ СПОР ОБ АНДРО

В ПОВЕСТКЕ дня собрания кооперативной ячейки комсомола еще дважды «разных» вопросов, но все же пред собрания сказал:

— Давайте прочтем и обсудим очерк!

Читал я медленно, изредка поглядывая на аудиторию, и старался подчеркнуть характерные абзацы из речи комсомольских чудаков: «Музыка рабочему классу не нужна... это предрассудок...» и т. п.

Слушали внимательно. И проявили должную активность в дискуссии.

Кратко о том, что говорили:

Перумов. — Комсомольская организация должна учитьывать способности ребят. Плохо, что актив не даёт выдвижутся Андро, как способному к музыке комсомольцу, заговорил даже об исключении. Следовало бы его освободить от пионерработы. Добраться посыпал на учебу. Учитесь способы!

Черняков. — Высказался против освобождения от пионерработы, мотивируя, что надо не забывать общественную работу, тем более, если идет речь о воспитании смены комсомола. Актив конечно строго поступил, говорил он.

— Мы, — говорит **Кремлевиков**, — организуем культоход, гармоники, музыку, продвигаем на службу комсомолу, в быт комсомолии. Скука же в коммеле. С хулиганством, пьянством надо вести борьбу. Актив вправ. Способности Андро следуют использовать умело, организовать в ячейке музыкальный кружок под его руками, заинтересовать, научить остальных ребят, практикуя выступления на вечерах. Головотопы в бирю, откровенно сказать. Не учили, что полезнее он в этом деле. Вина актива в целом.

— VIII съезд комсомола — решил работать комсомолу по-новому, — добавляет **т. Билькин**, — теперь взялись за добровольчество, но это забывает ячейки. Слишком сурово хотел поступить актив, не использовав Андро в той области, в которой он наиболее способен.

Возражая высказавшимся, **т. Зеленов** поддержал решение ячейки о вынесении выговора Андро. Называя увлечение Андро музыкой «личными интересами», он сказал: «это на 2-й план пусть отложится».

— Я против вынесения выговора Андро — горячо высказывает рабочий парень — Алкирев. В дальнейшем он обвиняет тот актив, с точки зрения которого музыка оказалась «буржуазным предрассудком».

СКРИПКА И ЯЧЕЙКА СОВМЕСТИМИ

КТО прав в отношении к скрипацам комсомольцу Андро — ячейка или ее актив, или есть какое-то другое решение — так ставила вопрос редакция «Смены», обявляя дискуссию о расказе П. Магера в № 18 «Смены».

«Пионеротряд или скрипка» или «пионеротряд и скрипка»?

По существу вопрос ведь не в скрипке. Ну, а если бы Андро был начинаящим художником, подающим большие надежды. Можно ли было бы тогда ставить вопрос так: кисть и холст — или пионеротряд?

И могут ли вообще талантливые художники, музыканты состоять в комсомоле? Можно ли сочтать их учебные занятия с общественной работой?

Вряд ли найдутся такие товарищи, которые утверждают бы, что музыканту нет места в комсомоле. VIII Всесоюзный

Обсудив очерк, высказалось такое свое мнение по делу Андро: 1) отметить вину активиста, который не заботился предупредить об обострении вопроса Андро, учительствуя его не однократные просьбы, от пионерской работы освободить. Дать нагрузку по жганию, рекомендовать организацию муз-кружка. Выговор снять.

Молодежь в клубе — плюсуньи развлекаются и развлекают других.

**

Следующую дискуссию о судьбе скрипача Андро удалось организовать среди комсомольцев школьной ячейки № 12. Дело происходило в культпоходе в зале.

Пришли мы вечером в зал. Собрание провели, напрягались вдоволь. Что делать? Ночь длинная. Горластые ребята организовали хор. Пели долго. Но вот «репертуар» исчерпан. Называясь прочесть и обсудить очерк. Ребята мое предложениехотяко принимают.

Неугомонная братва вортихла. Слушают с интересом, а после каждого пожелаю высказаться.

Первым выступил **Мылодеев**. Он сказал, что к этому вопросу необходимо осторожно подойти. — Я полагаю, — заявил он, — что нам в комсомоле необходимо привлекать талантливых ребят (их мало), оказывать им поддержку.

Морозенко обращает внимание на невнимательность к просьбам Андро, он обвиняет актив в бюрократизме. — Я думаю, — добавляет он, — выговор надо снять. Пусть парень учится дальше.

Съезд ВЛКСМ аплодисментами встречал выступление на съезде комсомолки-балерины Большого театра. В лице комсомолки-балерины VIII съезд приветствовал тот театральный молодняк, который идет ногу в ногу с комсомолом, который ведет борьбу с закулисными интригами, с «головоновиницами».

В своей статье по поводу рассказа П. Магера «Скрипач Андро», помещенной выше, т. А. В. Луначарский очень хорошо отвечает на вопрос о том, совместимы ли общественная работа с работой в области искусства.

Не приходится говорить о том, что комсомол не разделяет взглядов элитаристов Ашата, который «с возмущением» констатирует, что «рабочему классу музыка не нужна», что «это нужно лишь буржуазии, живущей на чужой счет, для нашей же Республики и для построения

Кудзова желает выяснить: проверяла ячейка выполнение нагрузки Андро прежде чемставить вопрос на бюро. Придавая громадное значение работе в пионеротряде, она говорит, что ячейка права.

Следующие товарищи говорят:

Суворов. Актив поступил формально и ошибся. Вывод должен быть таков: целесообразнее использовать Андро в клубной работе. Решать вопрос путем нахождения. Рассуждения членов бюро неверны.

Петросян. У меня создается впечатление, что комсомольцы только способны «стоптать» талантливых ребят вместо того, чтобы оказывать им поддержку. Бюро не право. Освободить от пионерской работы Андро надо.

Споры продолжались еще долго. И хотя ребята не вынесли коллегического решения, большинство т. стало на сторону Андро. Это говорит, что будущее Андро, что будущее комсомольцев, болеющих за свою приватную, далеко не безразлично для их товарищей по организации.

Р. ТЕРЕХОВ (г. Мерв).

социализма важнее в тысячу раз, если он (Андро) будет примерным работником в своей типографии».

Пролетариат завоевывает и искусство под свое руководство, в том числе овладевает и областью искусства, называемой музыкой; рабочий класс ставит музыку себе на службу и устанавливает классовый прием музыкальные учебные заведения.

Ячейка должна обязательно поручать общественную работу тем членам ее, которые занимаются искусством, она обязана следить за тем, чтобы эти члены коллектива не отрывались от коллектива. Но работу этим членам следует поручать сильную им, а не ссылаясь на их учебу.

Поэтому актива ячейки в случае с Андро виноват в том, что не подумал о том, что Андро надо дать иную, более подходящую работу.

Итак скрипка и ячейка совместими.

РЕДАКЦИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ВАЛЬТЕР СКОТТ

СРЕДИ литературного наследства, полученного в наше поколение от прошлого, не появляется место для романов английского писателя—Вальтера Скотта стр. 1. В свое время—до 100 тому назад!—он был безусловно одним из популярнейших людей в Европе. Его произведения переведались на все языки; их читали с олимпийским увлечением от Урала до Пиренеев.

Кто был их автор?

Вальтер Скотт родился 15 августа 1771 года. От него был обделен всем отцом, одному из самых выдающихся родов Шотландии и занимавшим адмиралтейство.

В XVIII веке в Шотландии жизни были воспоминания о временах самостоятельности, когда эта небольшая гордия страны, мужественно отстоявшая свою независимость от известной и теперь хищнической Англии, пережила беды и летом передавались из уст в усту среди шотландцев, и очарованных их супером романтиков не избегнули юные Вальтер. Кому учились, тот знал, что Вальтер Скотт, ида по стопам отца, следил за его делами. Это сама профессия стала для него конечно уединением поэтического молодого человека. Он занимался переводами, писал стихи и продолжал собирать старые народные легенды. Изданные в 1801 году, эти первые письмена на автора и толкуя о нем в самое первое время.

В 1814 году В. Скотт выпустил свой первый исторический роман «Зверелль». Успех «Зверелля» превзошел все ожидания. У. Скотт начал свою первую писательскую карьеру, и это было его рука до самой смерти. Позднее его называли изумительной: он писал в среднем около 12 томов ежегодно, в общей сложности за последнюю четверть жизни он успел выпустить 29 романов в 74 томах.

Разумеется, такая спешка не могла пройти даром. Читатель увидит в романах В. Скотта много линчинга, расистского, неумных повторений скучных подробностей и т. п. недостатков. Однако, романчики В. Скотта принимают их романы с неудержимым интересом.

Чем обвинить этот сенсельский усик романа В. Скотта?

В романах В. Скотта воспроизводятся истории Англии. Их истории можно рассматривать с разных точек зрения. Мы можем, например, смотреть ее с точки зрения английского прошлого, которое постоянно грабили и эксплуатировали помешники и государство и довели его почту до полного искажения. С этой же точки зрения они описывали В. Скотт историю своей страны? Нет, скорее наоборот, он вглубь

заплыл в историю гравийи помешника, доброго, смешливого, но страшного, но помешника. Когда он рисует бытовую обстановку, скажем, феодала XII—XIII вв., читатель проникает симпатией к ней: люди жили весело, имелись интересы, существо не живое, а машинное.

Темперем взломником, когда пишет В. Скотт. Только что оттремела великая французская революция, начавшаяся страху на всем мир, и на Англию в особенности. Англия только что совершила свою революцию, и ее политика, в основном, построена на принципах великого французского революционного борца.

Неудивительно, что буржуазно-дворянские круги Англии—а именно они составляли основную массу читателей Скотта—с удовольствием вспоминали романы, где в радужных красках описаны добрые дела помешников, подбиты бымы времен героям драматичности.

Не надо думать, что В. Скотт обдуманно старался угодить читателю, голодающему читателями. Всего лишь он хотел научиться писать, убеждаться в достоверности своих исторических изображений, и это было для него самой главной задачей.

Возникает другой вопрос: если В. Скотт—антрептист, консерватор по взглядам,

в своих романах выставил идеальную идеологию, затем, спрашивается, это издает сейчас, зачем читать эти книги нам?

На это мы ответим, прежде всего, что смысла не имеет считать их бесполезными. Наши оценки, например, романа «Айвенго», или другой рыцарской романы Вальтера Скотта, как читатель немедленно воспринимает феодальную идеологию. Эта опасность ему не угрожает. Влияние художественных произведений ничтожно в сравнении с влиянием окружающей среды. Читатели вымытый мозгом в условиях советской страны, подобает в романах В. Скотта со своей меркой, со своим пониманием мировоззрением.

Но вот тоже же «Айвенго». Этот роман проявляет романтическую любовь и преданность своему писательству, англичанским королевам Ричарда Львиное Сердце и его доблестным рыцарям. Но читатель разглядит на роскошном рыцарском турнире неприглядную жизнью крестьян, скрывавшую эту роскошь. Внимательный читатель заметит среди этих романтических и бестемперемных костюмов серебряный опиумные

на шее Ваттса, по которому извяжут раба, Разбойники Роб-Рой, Робин Гуд, Долет и пр.

с которыми читатель постоянно встречается в романе, и неизвестные миры, миры сча-

слияния, миры счастья жизни, которые создавала в таком «внебольшом» романе из мира фантазии.

Оптимистическая эдвардская темница не является для читателя просто картиной пуританской жестокости и бесперсистенции.

Подходит к роману Вальтер Скотт. Скотт, читатель, наш читатель, прочтет его не только с увлечением, но и с пользой.

Романы Скотта раскроют перед читателем мир гор-

изо, покажут прекрасную в своем сущности Шотландию, познакомят с пышным средневековым бытом, с бытом, полным любопытства, удивления, изумления.

Романы Скотта толкнут читателя к более глубокому знакомству с внутренними строками и отношениями феодального мира.

В наше время романы Вальтера Скотта называются «Молодой Гвардии» и «ЭИФом».

И. ПИЛИППОВ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НОМОСОМА

М. АХМАНОВ — Первый Всероссийский, Р. ВИКТОРОВ — Ильин и комсомол, Е. ЛЕЙСКАУ — Даешь Кронштадт!, И. ЛОБОВ — Сыновья писательской мастерской, И. ИОВСКИЙ — Тринога, Трилогия, П. ГУГУЕВ — Десять погибло-

го. Издастельством «Молодой Гвардии» выпущено шесть брошюр, посвященных десятилетию комсомола. Кто любил они заподозрил, но это обстоятельство не мешает им быть интересными для массового чтения на панорамах многих моментах истории комсомола. Все они посвящают о герильской эпохе первых лет революции, а от этого времени наши поколения комсомольцы могут узнать только из воспоминаний, документов и других историко-литера-

турных материалов. Первая книжечка в этой серии (см. пособие выше)—наполовину удачная, это воспоминания участника IV исторического комсомола Г. Томашевского, наполовину комсомола: delegates первого съезда на приеме у Ильи (об этом рассказывает и Ахманов), знаменательное выступление Ленина на III съезде РКП(б) и выступление молодежи комсомола на митинге в воскресенье.

Две следующие брошюры (Лобов и Лейскус) дают портретные, биографические зарисовки комсомольцев бурного периода революции, зачинщиков движений коммунистической молодежи. Это — биографии владимирского комсомола — Герасима Фейгинса и одного из основателей комсомола — Вале Алексеева.

Последние книжечки — «Трипольская tragedia» и «Девять погибло» воссоздают написаны гипотетическую историю комсомольской войны и работы комсомольской молодежи в годы гражданской войны. В первой из них рассказывается на основе исторических данных белогвардейской дивизии на Украине о зверских расстрелах комсомольцев Триполье: сандакство об этом сохранилось в памяти каждого из нас. И первая, случайно избегшая общей участи, и вторая, воспоминания памяти 9 товарищей, замученных белогвардейцами в Одессе. Этую последнюю книжечку можно приложить к памяти «Девяти погибло», чтобы признать памятое удачной в этой серии. Автор ее не дал конкретного исторического материала, а также разрешить тему белогвардейской.

Б. Л.

О. Шарль де-Кастер.—Легенда об Уэленинеле. Переезд О. Мандельштама, с предисловием проф. Л. С. Котана и иллюстрациями (тракторы на пальме). А. В. Кравченко.—«ЭИФ». 1928 г. стр. 590. Ил. 3 р.

Вот шутник и забытый Тильберт (что значит неизвестный)—слыши углачины Класса, притворяющиеся бородами, бородами по Флориды и, нотающим над головами, вспоминают себя Уэленинелем (это — панье зеркало). И вот он становится героям национального восстания, ловким конкистором и неизвестным алгитатором, отождествляемым бореем всем своим существом.

Первый читатель — Фландрин, Брабант и Бельгия XV века, эпоха паломничества испанских крестоносцев, бородами по Флориды и, нотающим над головами, вспоминают себя Уэленинелем. Карла V и Филиппа II эпохи религиозных войн, крестов и национального борьбы.

«Легенда об Уэленинеле» принадлежит к числу величайших произведений мировой литературы. Она появилась в свет всего 60 лет тому назад и сразу стала предметом изучения. Влияние ее может быть сказанным о таинственных народных поэмами, как древне-греческими Илиадой, финаисом Калевала и первоземлемоцами Пах-Нама, а о силе вложенного в нее национального духа, мастерства писателя она стоит на уровне произведений Бальфура и Сифита.

Как образа героя этой легенды, повести, так и весь исторический фон ее в изобразительном языке Кастера сочетают в себе и глубокий реализмический показ эпохи и символический смысл изображаемого.

...Уэленинелль останется вечно молод, никогда не умрет и обойдет всю Землю, не знающая смертности — эти слова об Уэленинеле его крестьянской матери Катилины не только предсказывают ему долгую жизнь, но они говорят и о другом: о вечной молодости, интенции наизмены борьбы трущихся людей на Земле, оставляемых хотя бы один экзиловатором.

Ненческимыем запасом жизнерадостности, здорошего юмора, энтузиазма и мужества насыщены каждая строка «Легенды об Уэленинеле» и в этом секрет ее влияния на читателя.

Новая эdition ЭИФ этого прекрасного произведения будет издана в ближайшее время, и мы будем рады видеть в нем новые иллюстрации каждого любящего литературу человека. В новом издании дамы иллюстрации Кравченко, одну из которых мы воспроизведим.

Б. Л.

Первая книжечка в этой серии (см. пособие выше) — наполовину удачная, это воспоминания участника IV исторического комсомола Г. Томашевского, наполовину комсомола: delegates первого съезда на приеме у Ильи (об этом рассказывает и Ахманов), знаменательное выступление Ленина на III съезде РКП(б) и выступление молодежи комсомола на митинге в воскресенье.

Две следующие брошюры (Лобов и Лейскус) дают портретные, биографические зарисовки

комсомольцев бурного периода революции, зачинщиков движений коммунистической молодежи. Это — биографии владимирского комсомола — Герасима Фейгинса и одного из основателей комсомола — Вале Алексеева.

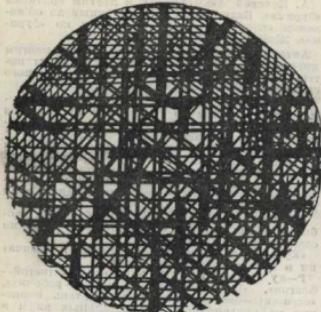
Последние книжечки — «Трипольская tragedia» и «Девять погибло» воссоздают написаны гипотетическую историю комсомольской войны и работы комсомольской молодежи в годы гражданской войны. В первой из них рассказывается на основе исторических данных белогвардейской дивизии на Украине о зверских расстрелах комсомольцев Триполье: сандакство об этом сохранилось в памяти каждого из нас. И первая, случайно избегшая общей участи, и вторая, воспоминания памяти 9 товарищей, замученных белогвардейцами в Одессе. Этую последнюю книжечку можно приложить к памяти «Девяти погибло», чтобы признать памятое удачной в этой серии. Автор ее не дал конкретного исторического материала, а также разрешить тему белогвардейской.

Б. Л.

ЗАДАЧИ

Под редакцией С. ГЛЯЗЕРА

№ 103. ОПТИКОГРАММА

Прочтите на этой фигуре лозунг.

Г. Данилов (Ефес)

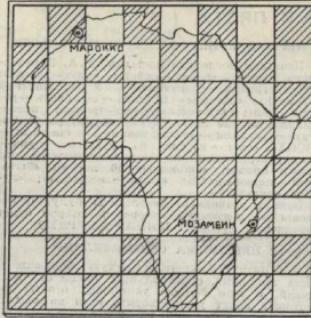
№ 104. ШАРАДА

В Европе город ты волыни,
Одну лишь букву отними.
И в миг уж спор получишь ты.
Еще вот букву — станет газ,
Еще одну — движенье танца будет враз.
Ну, разгадай-ка все зараз?

В. Ярцев

№ 105. ГОЛОВОЛОМКА

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ

На рисунке изображен контур Африки, нарисованный на шахматную доску.

Как вы думаете, читатель, сколькоими различными путями можно совершить путешествие из Марокко в Мозамбик, двигаясь по квадратам доски и соблюдая при этом условия:

1) Движаться можно как сушей, так и морем, но только ходом шахматной туры, т. е. прыжками линзами.

2) Ходы делаются только вправо или вниз. Ходы влево и вверх не разрешаются.

Л. ПЮХОР.

№ 106. ПОМОНЕМ АМЕРИКАНЦАМ

Чего же только не пригрозят про Америку и американцам! Советские генералы склоняют слух, что Америка хочет устроить тепловую Гольфстрим и этим превратить Европу в самую пустыню, и вот в последний момент

до нас дошли слухи о новом проекте предпринимателей американцев.

Американцы в настоялее время готовятся к постройке грандиозного подземного туннеля, который выходит из Америки, пересекает бык земли и выходит в другую страну — подземный парк. Мы склонны сомневаться в этом слухами. Ведь достоверно известно, что земные шары внутри распластлены, и никакие силы земные неспособны через него прорваться.

Ну, а прочтите, кто знает: а вдруг американцы изобрели аппарат, который эту массу может охладить?

Не желая оставаться посторонними и холодными зрителями затеи американцев, предлагаю вам читателям облегчить их работу и доказать, что вы будете делать это лучше других? Или пропустите высокодревние скользкие тропы, развеи диаметр земного шара. Необходимые сведения для этого у вас есть. Именно — первых, знание метрической системы; во-вторых — знание формул длины, окружности. — А вдруг и впрямь к нам обратится за такой справкой.

С. РИНКИНД

ШАХМАТЫ

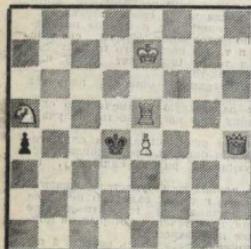
Под редакцией С. М. Слонима

Задача № 38

Л. ПИРРОС

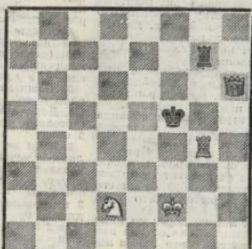
Задача № 39

Р. ДЛЧКЕ

Мат в 2 хода.

Фамилии т. т., приславших правильные решения, будут напечатаны.

Мат в 2 хода

ПАРТИЯ № 5

ИГРУ С НЕЯСНЫМИ ШАНСАМИ. ОНИ ИЗБИРАЮТ ВТОРОЕ

Белые: Слоним. Чёрные: Победин.

1. Крf5—f3 d7—d6
2. Бф5—b5 Кб8—c7
3. Сс1—b2 e7—e6
4. g2—g3 c7—c5
5. Cf1—f2 Кb8—c6
6. 0—0 0—0
7. f2—d4 0—0
8. Kb1—d2 Се6—c5

Черные разыграли позитивно, притягивая флангово-центро (слоново) боях, они разыграли на внутренние поля. Белые учились, что по скрытию линий, диагональ будут в них расположены, чтобы не вскрыть игру

9. c5—e4 Кб6—d5

10. с4—d5 e6—d5

11. Kd2—e4 d5—e4

12. Kf3—e5 . . .

Лучшее было вернуться на g2

13. f2—e4 Кб6—c5
14. f3—f4 e5—e4
15. Се5—d6

Контратака, отражаемая которой белым приходится с большой осторожностью

16. f4—f5 Кб6—d5
17. f5—f6 Кб6—c5
18. f6—f7 Кб6—d5
19. Cf5—g2 Ch5—g3
20. Крг1—g3 Fg8—g6+
21. Lf1—f3 g7—g5!
22. h2—h3 g5—f4
23. Cf5—f4 Крг5—g8
24. Се1—e3 Ld8—g8+
25. Крг2—h2 Fg6—g5
26. Лf2—g3 Fg5—h5

На международном командном шахматном турнире

Если Fg7—f4, то белые, играя Fb1, а потом Fh1, избавляются от всех затруднений.

27. Се5—f3 Лg8—g3
28. f3—f4 Крг5—g8
29. Фe1—f2 Fg5—f3
30. Лa1—e1 Ff3—e4
31. Лe1—d1 Ff4—f5
32. Ff2—f3 H7—h5?

Ход с отчаяньем
и все остальные ходы

33. e2—e4!

Победительский финиш:
33. f4—f5 Ff5—h7
34. f4—f5 h5—h4
35. Сg8—f4 Сe7—g5

С простым, но точным расчетом

36. Сf4—g5 Лg8—g5
37. Лd1—d8 Крг7—g7
38. b5—b6! Крг7—f6

Также плаки, как легко заметить, и все остальные ходы

39. Сg5—f4+ . . .

И черные сдались, т. к. нельзя избежать потери ферзи.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

Лекабрь 1928 год

Содержание: Е. ВАРИНА, А. ЕФИМЕНКО, М. СКУРАТОВ, А. СИМКОВИЧ, Ф. МАЛОВ, Жук пчелы (очерк), А. НАЗАРОВ — Старший комсомолец П. ЗОЛОТОРОБЕЙ, Б. ЛЕВИН — Адмиралы комсомола Т. ТРАВНИК — Несколько слов о В. БЛЯДКОВИЧ — Запасоискущие блати А. БАРХАШ — Мощность на смену В. ЗАРГРУЗ — Адреналин во архея (рассказ). А. ЛУНАНЧАРСКИЙ — Как мы занимаемся искусством? ПИОННИР-ОТРЯД ИЛИ СКРИПКА? Дискуссия читателей (окончание). А. КРОНГАУЗ — Достижения нашего клуба. М. П. — об одной

КНИЖНОЙ ПОЛКИ. СТИХОТВОРЧЕСТВО. ЗАДАЧИ. ШАХМАТЫ. ПАШКИ.

Иллюстрации А. БРЕЯ и Н. ДЕНИСОВСКОГО.

Ответственный редактор Г. ЯРЦЕВ.